

Скатерть Лидии Либединской

Автор-составитель Наталья Громова

Корней Чуковский, Борис Пастернак, Григорий Горин,
Игорь Рубинин, Булат Окуджава, Дина Губина,
Виктор Шендерович, Александр Голосенко, Юрий Давыдов,
Зиновий Гердт, Михаил Светлов, Дарья Самойлова,
Евгений Кипрунов, Виктор Козлов, Александр Крин,
Натали Эдельман, Маргарита Ахмед и многие другие

Встречи, разговоры, анекдоты,
воспоминания, шутки, посвящения,
письма, дружеские шаржи

Наталья Александровна Громова Скатерть Лидии Либединской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088947
Скатерть Лидии Либединской: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-079621-2

Аннотация

Лидия Либединская (1921-2006) – прозаик, литературовед; урожденная Толстая, дочь поэтессы Татьяны Вечорки, автор книги воспоминаний «Зеленая лампа».

Всю жизнь Лидия Либединская притягивала незаурядных людей, за столом ее гостеприимного дома собирался цвет нашей культуры: Корней Чуковский, Виктор Драгунский, Давид Самойлов, Семен Липкин, Булат Окуджава, Каверины, Заболоцкие... Самодельная белая скатерть, за которой проходили застольные беседы, стала ее Чукоккалой. Литераторы, художники, артисты и музейщики оставляли на ней автографы, стихи, посвящения, рисунки.

Эта книга и получилась такой же пестрой и разнообразной, как праздничный стол. В ней звучат голоса, звенят бокалы, провозглашаются тосты, зачитываются послания, вспоминаются грустные и смешные случаи. На страницах ее собрались те, кого она так любила, – родные и друзья.

Содержание

Часть 1	5
Случайное рождение	5
Поэтесса из Петербурга	5
Баку	11
Москва	21
Граф Толстой в ссылке	27
«А в куклы вы уже перестали играть?»	39
Семья Бруни	39
Цветаева: «Жаль, что вы не едете с нами...»	42
Рассказ Лидии Борисовны о Нине Саконской и дяде Алексее Ефимове	48
Льва Толстая и Михаил Светлов	50
Юрий Либединский	58
Встреча	58
«Трапезы на Кутузовской слободе»	66
Большая семья	78
Закатная любовь Михаила Светлова	92
Бабушка Татьяна Владимировна	102
Бабушка и ее мама	102
Главный человек нашей жизни	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Скатерть Лидии Либединской

Автор-составитель Наталья Громова

Издание подготовлено при участии Дома-музея Марины Цветаевой в Москве В книге использованы фотографии из семейных архивов Либединских и Губерманов; М.С.Напельбаума (Агентство ФТМ Лтд.) – в т.ч. в оформлении переплета; из книги: Вечорка Т. Портреты без ретуши: стихотворения, статьи, дневниковые записи, воспоминания / вступ. ст., подготовка текста, коммент, примеч. А.Е.Парниса. Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007

Эта книга получилась такой же пестрой и разнообразной, как праздничный стол в доме Лидии Либединской. В ней звучит человеческий гомон, звенят бокалы и провозглашаются тосты, зачитываются смешные послания, вспоминаются грустные и смешные случаи.

Как и сама хозяйка, многие гости уже покинули этот мир, но застолье все длится и длится.

На страницах этой книги собрались те, кого она так любила, – родные и друзья Лидии Либединской.

Наталья Громова

Часть 1 За пределами «Зеленой лампы»

Случайное рождение

Своим рождением Лидия Борисовна была обязана Провидению в лице советской власти. Девочка родилась по чистой случайности. Только что закончилась Гражданская война, и ее родители боялись заводить детей. Но в середине 1920 года в Баку большевиками под страхом расстрела были запрещены аборты. Так Советская власть по праву могла записать этого ребенка в свой актив. Лида Толстая ответила ей любовью к отдельным советским писателям и поэтам: Юрию Либединскому (ставшему мужем), Михаилу Светлову и Александру Фадееву.

В то же время при крещении у ее купели стоял великий поэт-символист Вячеслав Иванов, назвали ее – Лидией, любимым именем поэта. Будущий эмигрант невольно благословил крестницу на сопротивление всему советскому, косному, бездарному, что будет встречаться на ее пути. А ее мать открыла дочери то, чего были лишены все советские дети, – запечатанный семью печатями Серебряный век. Велимир Хлебников встречал Лидию Борисовну, когда она была в утробе матери, а с Маяковским, Пастернаком, Цветаевой и Ахматовой была знакома лично.

Поэтесса из Петербурга

«Моя мать носила клетчатую кепку и дружила с футуристами, потом с "ЛЕФами"», – так начинается книга Лидии Либединской «Зеленая лампа».

Татьяна Ефимова. 1910-е

Правда, в начале десятых годов будущая мать Лиды Толстой Татьяна Ефимова, с первых публикаций стихов выступавшая под псевдонимом Татьяна Вечорка, ходила в широкополых шляпах и длинных платьях, училась в петербургской Академии художеств, писала романтические стихи. В Петербурге шла бурная жизнь: кафе «Бродячая собака», посещение поэтических вечеров с участием Блока, Кузьмина, Ахматовой, Маяковского, сочинение стихов, публикации в журналах... Случайно сохранившиеся отрывки полудневникового, полумемуарного характера говорят о ее замечательном литературном даре.

На небольшом листке с разорванными краями, чудом уцелевшем, – портрет Распутина, петербургская предреволюционная атмосфера.

Татьяна Ефимова. 1910-е

«Распутина я видела весной 1915-го на Невском, в густой толпе, в сумерках. Ученик Академии художеств Глеб Бердяев сказал мне, трогая за локоть: "Смотрите, Распутин".

Перед нами вплотную почти шел сухонький человек небольшого роста, в чем-то длинном – не то ряса, не то одеяние.

Даже в густой толпе гуляющей публики он услышал свою фамилию и обернулся, ища, кто его назвал.

Лицо его было серо, но запомнились громадные, запавшие, пронзительные глаза – альбиносо-серые с мелкими зрачками в очень черных

ресницах – и злой рот, довольно-таки яркий, в перепутанных волосах бороды, как будто неопрятный.

Лицо было определено злое и как бы напуганное – в глазах не было стоячей воды, они все время дрожали и бегали.

Глеб улыбнулся и подмигнул мне.

Распутин усилил шаг – будто женщина, подобравшая юбку, и пошел дальше как-то криво, пристукивая палкой».

В те годы на петербургских улицах можно было встретить самых удивительных личностей. Но, бесспорно, кумиром их поколения был Александр Блок, в которого были влюблены как девушки, так и юноши: они искали с ним встречи, непрерывно говорили о нем.

Татьяна Вечорка вспоминала, как ее подруга Сонечка Михайлова (Март) «подбирала непотухшие окурки <Блока>, и набрала так себе коробочку, и тщательно хранит, верно, до сих пор. Она же, изнывая от влюбленности в Блока, ходила к нему на дом, но никогда не смела зайти в его комнату, стояла у двери и целовала, плача, дверную ручку его квартиры. Один раз за этим занятием она услышала шаги на лестнице и, испугавшись, кубарем скатилась мимо изумленного Блока, который возвращался домой. Тот недоуменно посмотрел на заплаканную Сонечку и, верно, удивился, нащупав мокрую ручку двери».

Татьяна Ефимова с подругой. Тифлис, 1910

Юная поэтесса тоже мечтала о Блоке. Однажды на концерте – он сидел совсем близко от нее – стала жадно его разглядывать и, о ужас, с досадой отметила, что его лицо кирпичного оттенка, яркие глаза – в морщинистых мешках, а руки – красные, словно отмороженные. Зал был ярко освещен, и она увидела Блока в безжалостном электрическом свете. Он же, заметив восторженное лицо девушки, обернулся и стал разглядывать ее. Когда подошел антракт, он наклонился к ней и прошептал: «Темная весенняя ночь» (на ней было черное шифоновое с золотыми точками платье). Девушку поразила заурядная пошлость из уст великого поэта. Она спряталась в дамской комнате, чтобы успокоить сердцебиение. После звонка, пытаясь прошмыгнуть в зал, снова наткнулась на Блока, который стоял, облокотившись на балюстраду. Он что-то сказал ей, но она, не расслышав, бросилась в зал. В голове неслись мысли: «Блок прекраснее всех, кого знаю, не могу ни в чем отказать ему – я же девушка, он не женится – трагедия мамы, поэтому была упущена возможность близости с Блоком».

Маленький самоироничный мемуар о любимом поэте заканчивался очень символично:

«Так, с воспоминаниями свежайшими и чудесными, я жила до 1921 года, когда, лежа в больнице, беременная, в тифе, я узнала, что Блок умер,

и в тот день моя молодость, подбитая цепью провалов, – развалилась окончательно (от обильных приемов брома)».

Приемы брома могли свидетельствовать о неврозах и попытках выйти из депрессии. Скорее всего, тот творческий этап, который начался в Петербурге, надежды на известность, первые публикации закончились для Татьяны Вечорки вместе с приходом большевиков в октябре 1917 года. Тогда же семья пыталась спастись от новой власти в родном Тифлисе, где еще шла живая художественная жизнь.

Из Тифлиса они уехали в 1910 году, когда семья лишилась отца. Он был начальником Земельного управления Закавказья: сначала служил в Баку, потом – в Тифлисе. Институт благородных девиц Татьяна кончала уже в Тифлисе.

Владимир Николаевич и Нина Алексеевна Ефимовы с дочерью Татьяной и сыном Алексеем. Тифлис, 1904-1905

«Надо сказать, что отец (Татьяны Владимировны. – *Н.Г.*) был человеком либеральных устремлений, – рассказывала Лидия Борисовна в интервью Татьяне Бек, – ходил к Некрасову, был на некрасовских похоронах – в Баку его тихо сослали. В 1909 году он пошел к врачу (неважно себя чувствовал). Врач осмотрел его и сказал задумчиво: "У вас такие большие почки, что, пожалуй, больше двух лет вы не проживете". Дед вышел из его кабинета и, недолго думая, тут же во дворе больницы застрелился, оставив записку, смысл которой сводился к тому, что он не собирается ждать

смерти еще два года. Когда его вскрыли, оказалось, что ничего страшного в его заболевании не было... Тогда бабушка тоже собралась покончить с собой, но на ее руках осталось двое детей: моя мать и сын Алексей (он потом стал академиком – его учебник по новой истории выдержал триста (!) изданий). Вот бабушка и решила, что сначала должна "завещать" детей своим родственникам. На то время у нее был сто один родственник жили они по всей России, на Украине и в Польше. Бабушка повезла детей завещать родне. Пока ездила (целый год), пришла в себя и уже решила с собой не кончать, а переехать с детьми в Петербург. Сын поступил в Технологический, а моя мама – в Академию художеств... Но когда в 1917 году началась октябрьская заваруха, то они в 1918-м вернулись в Тифлис, как говорили тогда – "на сытый Кавказ", – к бабушкиным родителям Вот там и началась мамина активная литературная деятельность».

Алексей Ефимов. 1910-е

Татьяна Ефимова. 1910-е

У власти в Грузии стояло буржуазное правительство меньшевиков. Почему-то при них (в отличие от большевиков) расцветали искусства, выходили разнообразные газеты. В Тифлисе Вечорка смогла основать «дружество» «Альфа-Лира», по имени первой звезды созвездия Лиры, объединившее около дюжины начинающих поэтов и любителей искусства.

Она дала объявление в газете, что поэтесса из Петербурга предлагает устраивать у себя литературные вечера. В Тифлисе в 1918 году жили Крученых, Городецкий, Терентьев, Зданевич, Катанян. Там же она выпустила два сборника стихов, переводила на русский язык Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Григола Робакидзе, все они собирались в литературном кафе «Фантастический кабачок». Сюда приходили Судейкин, Мандельштам, Евреинов, Каменский. Был выпущен сборник, куда вошли и стихи Вечорки. Потом все, кто не покинул страну, встретятся в Москве.

Баку

В 1919 году Татьяна стала невестой Бориса Дмитриевича Толстого, сына нотариуса, и переехала в Баку, где 5 апреля 1920 года была с ним повенчана.

1918 годъ.

Залъ Консерваторіи. 23

Вечеръ поэзіи и музыки.

Среда, 23 октября.

ПРОГРАММА:

Отдѣленіе I.

**I. ТОРЖЕСТВЕННОЕ
ЗАСѢДАНІЕ ЦЕХА ПОЭТОВЪ.**

Вступительное слово скажетъ Юрій Дегень.

а) Георгій Евангуловъ	«Интимное».
б) Юрій Долгушинъ	«Розовый дождь».
в) М. Мощинская	«Въ померѣ».
г) Василій Катанянъ	«Метехскій замокъ».
д) Нина Васильева	«Монастырь».
е) Александръ Чачиковъ	«По камнѣ моей жизни».
ж) Л. Голубевъ-Багрянородный	«Африканскія женщины».
з) Николай Семейко	«У трамвая».
	«Цѣты томилась».
	«Петроградъ».
	«Приближеніе къ виллѣтъ».
	«И закусила губки».
	«Бѣсъ любви».
	«Заглавниа».
	«Въ знаменитой избѣ».
	«Григорію Робакидзе».

2 КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

а) Романсы, исполнить И. О. Навратиль.	
б) Венявскій. «Souvenir de Moscou» исп.	Ф. Кацъ (скрипка)
в) Направитъ къ { Романсы Машинъ изъ оп. «Дуб, оскія» } исп. { Л. Г. Рыбо (инт. сопрано),	г. Выгодскій (рояль)
{ Колобелъная пѣсня изъ оп. «Гарольдъ» }	г. Выгодскій (рояль).

3. ПЛЕЯДА ГРУЗИНСКИХЪ ПОЭТОВЪ „ГОЛУБЫЕ РОГИ“

а) Григорій Робакидзе.	г) Пасло Яшвили.
б) Лейли Джапаридзе.	д) Валеріанъ Гаприндашвили.
в) Тицянъ Табидзе.	

Отдѣленіе II.

I. Торжественное засѣданіе цеха поэтовъ (продолженіе)

а) Борисъ Корнѣевъ	Иль нека! „Голубокъ Екатерина“
б) Александръ Порошинъ	«Душой ночью».
в) Григорій Шайкевичъ	«Корабликъ утолщенъ».
г) Татьяна Вечорна	«Пьеръ».
д) Юрій Дегень	«Колобелъная».
е) Илья Зданевичъ	«Слѣтъ въ отравенныхъ усладѣтъ».
ж) Игорь Терентьевъ	«Ну что-же?».
з) Алексѣй Крученыхъ	«Такъ сини летятъ».
	«Сердце безъ ничего».
	«Зарные стихи».
	«Мои похороны».
	«Посадимъ ржанас на одну сорть».
	«Новые стихи»

2. КОНЦЕРТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

1. Черепнинъ «Послѣдняя любовь» слова Фета, } исп. Н. Г. Кошкина	
«День и ночь» слова Полонскаго, } исп. у рояля АВТОРЪ.	
2) Декламация. Исп. С. Г. Мальнинова.	
3) Григъ. Соната А-молл, I часть исп.	Д. С. Вейдльскій (скрипка)
	Паумъ Вейдльскій (рояль).

Роспрядитъ: { Б. И. Корнѣевъ. Аккомпанир. Г-нъ Выгодскій
А. Я. Порошинъ.

Начало въ 7 $\frac{1}{2}$ час. вечера.

Литографія казенныхъ Грузинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Афиша вечера поэзии и музыки. Тифлис, 23 октября 1918

Борис Дмитриевич имел с Львом Толстым общего предка Илью Андреевича Толстого, с которого был списан портрет старого графа Ростова в «Войне и мире». Отец Бориса Дмитриевича граф Дмитрий Евгеньевич Толстой имел юридическое образование и (как пишут исследователи) особо не блистал во время учебы, зато блистал на балах и в ресторанах. Женился на Марии Вяльцевой (Вальцовой), дочери крупного чиновника при императорском дворе. Правда, тесть его не очень жаловал и настойчиво советовал начинать карьеру с провинции, где можно было себя проявить и зарекомендовать. Начал граф свою службу в Тамбовском Дворянском собрании простым канцелярским служащим, только через два года получил небольшое повышение и в придачу к нему орден Святого Станислава за усердие. После чего сразу уволился. Через некоторое время граф объявился в Полтаве также на мелкой должности младшего чиновника особых поручений при губернаторе. Продержался два года и снова уволился. Потом также быстро исчез из Курской губернии, куда был назначен. В конце концов он осел вместе с семьей в 1911 году в Баку, где стал нотариусом. Известно, что вскоре после рождения старшего сына он продал имение Борщевое на Тамбовщине¹. «После прихода большевиков, – вспоминала Либединская, – дед бросил в зеленые каспийские волны несколько объемистых пачек белых хрустящих кредиток с изображением царя Петра I, даровавшего Толстым их графский титул». Борис Дмитриевич Толстой тоже стал, как и его отец, юристом.

В архиве Татьяны Владимировны остался смятый листочек неизвестной рукописи, склеенный из кусочков машинописи разного цвета, написанный ею о Баку 1918-1919 года.

---

¹ Михаил Лагутич. История Львовского суда: Пропавший граф. <http://old-kursk.ru/book/lagutich/hronica/hron037.html>.

Д.Е.Толстой и М.Д.Вяльцева. Дед и бабушка со стороны отца

«...Война перекинулась вглубь страны. Хань и беки, а вместе с ними армянские богачи, чтобы спасти свое добро, распространяли старую национальную вражду и вызвали резню в Баку. В верхней части города, в старой крепости, где много мечетей, и внизу, у вокзала, где стояла армянская церковь, затрещали винтовки.

Регулярные советские батальоны выступали с пулеметами в центре города, канонерки "Карс" и "Ардаган" бухали снарядами по Девичьей Башне и по домикам богачей, чтобы прекратить резню.

Приходил Нури Паша "делать мир". Для урегулирования продовольственного вопроса он ловил спекулянтов и прибывал их за уши к дверям лавок, а на Парапете построил много виселиц. Он повесил столько народу, что больше никто не хотел висеть, и стало тихо. Даже одна женщина, проходя по Парапету, уронила со страху зонтик и убежала, и три дня лежал зонтик на скамейке, но не один жулик его не украл – все боялись.

В 1919 году приходили англичане: солдаты водили в конюшни лошадей, без конца мыли их, потом мылись сами при всех до пояса, ходили в кино, курили во время сеансов, пили прямо из горлышек и часто, пьяные, громко пели хором. Англичане-офицеры ходили с русскими барышнями в кафе и ресторан. В городе появилось много шоколада, трубочного табаку и душистой резинки для жевания...

У персов-педерастов разгорелись глаза на белокурых нежно-кожих англичан. Они пытались подкупать юношей подарками, а некоторых уводили за город и насиловали.

Англичане интересовались нефтяными промыслами, арестовывали большевиков, начали арестовывать даже своих солдат по подозрению в большевизме».

А.Крученых читает свои стихи. 1926. *Фотомонтаж Г.Клуциса*

В Баку в то время, когда молодые поженились, власть переходила из рук в руки; на смену англичанам пришло демократическое правительство. Большевикам же была жизненно необходима бакинская нефть, поэтому они решили свергнуть правительство проверенным способом – небольшая группа рабочих подняла восстание и попросила помощи у Красной армии, которая тут же вторглась на территорию Азербайджана. В апреле в Баку была провозглашена Советская власть, а город стал столицей новой республики.

В конце ноября 1920 года здесь образовалось отделение «РОСТЫ» – КавРОСТА. Татьяна Толстая стала делать стихотворные политические подписи под агитплакатами, которые выставлялись по всему городу – на вокзалах, в специальных окнах, в витринах магазинов. Тогда же Алексей Крученых, ее близкий друг еще по Грузии, привел туда Велимира Хлебникова. Тот ходил в кожаном тулупе, высокий, весь желтый, с большими отеками, как у голодающих.

Спустя годы в воспоминаниях о Хлебникове Татьяна Толстая описала в картинках свою только что начавшуюся семейную жизнь в присутствии эксцентричного поэта:

«Хлебников стал приходить к нам домой. А жили мы в то время еще непривычно тесно, впятером в двух комнатах. В угловой – родители мужа, в проходной столовой – брат его, а за занавеской, в куске аршин на десять, – мы с мужем.

В это пространство стал уместаться и Хлебников. Первое появление его привело всех в домашний столбняк. После его ухода свекровь моя вымыла себе руки, села за обеденным столом и сказала взволнованно:

– Это кто же такой? Говорит как интеллигент, а по виду взрослый Степка-Растрепка; да он моется когда-нибудь?

Я вспомнила рассказ "очевидца" об умывании Хлебникова: пущена вода из крана, Хлебников долго стоит и смотрит. Потом осторожно вытягивает два пальца и смачивает себе водой ресницы и нос. Потом закрывает кран и утирается платком. Молчу.

– И потом, что за странная манера – прийти первый раз в дом и засесть на три часа. Отправился к Боре за занавеску – видит, что тот спит. Тогда уселся читать. Потом Боря проснулся – мычит, а тот говорит ничего, не просыпайтесь, я подожду. Потом уже начали философствовать, тут уж и вы пришли. Да кто это?

Объясняю. Не верит.

– Поэт – это прежде всего культурный человек. И чистоту любит. А от этого я едва отмылась. Ох, Господи, неужели он к нам зачистит?

А Хлебников действительно зачистил. Не спрашивая ничего, он осторожно шмыгал за занавеску и усаживался за письменный стол, писал, размышлял, а не то дремал.

Мой муж, человек болезненный, почти постоянно лежал, дремля, одетый на кровати. Хлебников терпеливо ждал, пока он проснется или заснет, в перерывах же молчания они беседовали, главным образом о философии.

Но как только муж подымался и выходил – поесть или за папиросами, – Хлебников моментально укладывался на кровать и лишь по возвращении его виновато вставал и усаживался на стул. По утрам я почти не бывала дома, приходила неопределенно и, возвращаясь, часто видела свекровь около занавески: боясь, что с Хлебникова сползет что-либо, она натирала пол керосином, усиленно ворча и вздыхая. Потом готовила обед, и Хлебников послушно слушал ее монологи.

Однажды он встретился с отцом мужа. Д.Е., человек чистоплотный до больничного педантизма, надел пенсне и, подняв голову, хотя невелик ростом, долго и брезгливо смотрел на него.

– Вам что угодно? – спросил наконец, не сдерживая своего раздражения.

Хлебников засмеялся.

– Вы к кому, собственно?

– Оставь, Митя, – вступилась свекровь. – Это Танин гость.

– И мой тоже, – добавил муж обиженно. – Наш гость!

И начал расспрашивать:

– Вы что же, из плена, от немцев бежали? Или сражались? С белыми? С красными? Теперь не разберешь!..

Хлебников перебил ясно и нагло:

– Что же? Ведь Ленин вам сверстник, а во всем разбирается!

И, усмехнувшись, встал и, покачиваясь на глиняных ногах, не прощаясь вышел.

Тут негодование прорвалось:

– Поэт, говорите?! Замечательный поэт? Так я и поверил! Юродивый он, да еще наглый! Поэт!.. Раньше поэтами были аристократы, потом поползли разночинцы, а теперь – горьковские персонажи. Да вы не видите – вшей на нем сколько? И этакого за стол сажать?

Дальше шли расспросы:

А кто его родители? Да почему его не сдадут в желтый дом? Разве можно одного его по улице пускать? И глаза неприлично голубые, наверное, крашенные...

И тут ошло:

...Гробокопатель какой-то...

...Я давно говорила, лучше мужу хлеб отдавать, чем этому...

...После его ухода наволочки менять...

...Пол керосином...

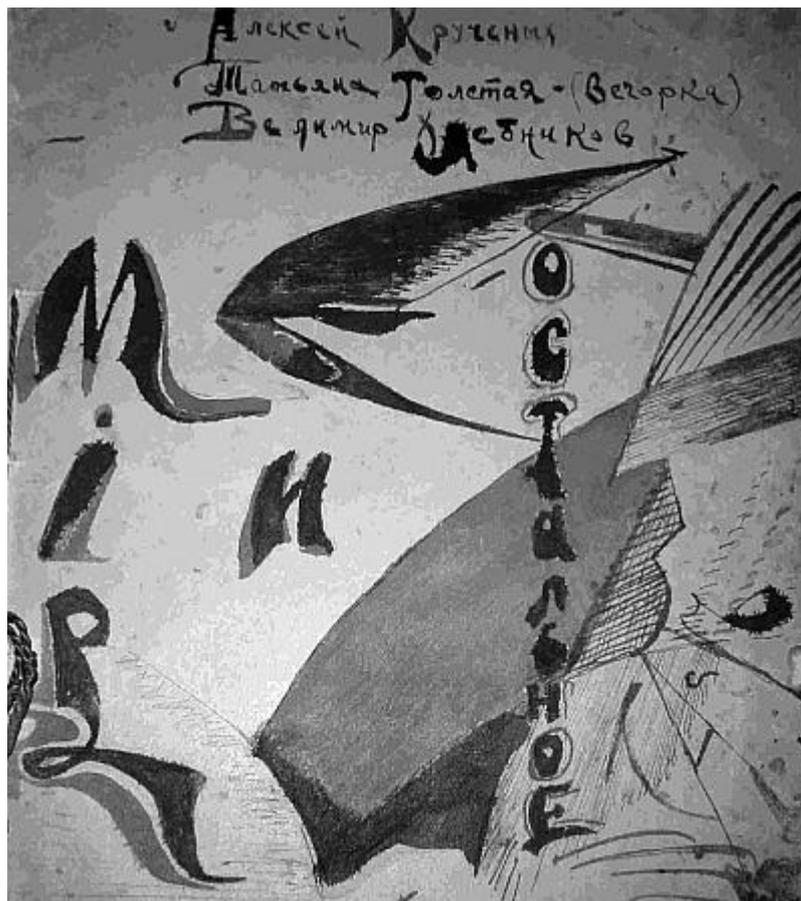
...Скоро сами грязью зарастут...

...Хаотики несчастные...

Ряд подобных разговоров сделал свое дело. Хлебников озлобился и начал сердиться и на меня».

Л.Толстая, Т.Толстая, Б.Толстой, его брат В.Толстой, отец – Д.Толстой. Баку, 1922.
Рисунок Т. Толстой

Сборник А.Крученых, Т.Толстой (Вечорки), В.Хлебникова «Мир и остальное». Баку, 1920

Уже после его смерти Татьяна Толстая написала стихотворный портрет поэта.

Входил нелепо, без звонка.
Стоял у двери, ждал и медлил,
Сутуловатый, как из петли,
Как ватный дед без позвонка.

Лицо из глины или пыли,
Понуренная горем старость.
Волосья, как солома, гнили,
И борода спускалась в заросль...

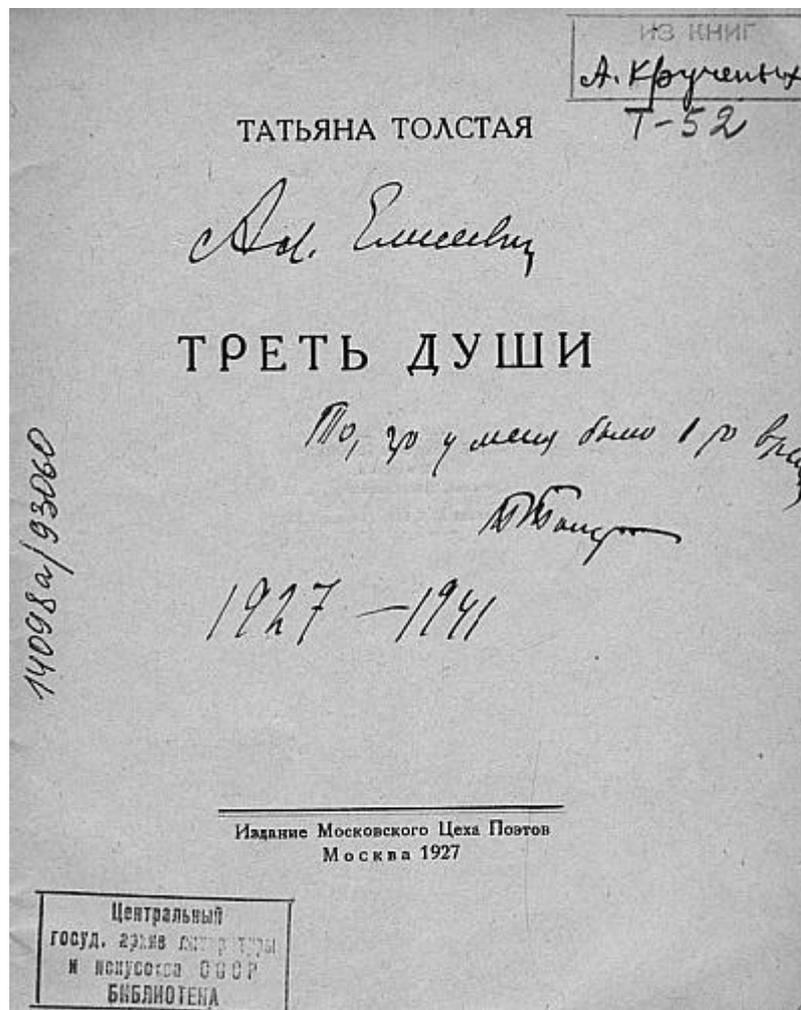
***

Баку, несмотря на все пережитое, оставался красивым южным городом, залитым солнцем. Каменный амфитеатр домов спускался к яркому синему морю. На рынках шла торговля, восточные базары с пестрыми тканями и коврами, женщины в чадрах, верблюды.

Голубые лавки персиян.
Море – плоская цементная веранда...
Грузится тяжелая шаланда,

И жужжит у дока гидроплан...

Эти строчки о Баку появились в Москве уже в 1927 году в ее сборнике «Треть души». А тогда Татьяна одновременно с работой училась на историко-филологическом факультете Бакинского университета у Вячеслава Иванова, где он профессорствовал.

Сборник Т.Толстой «Треть души» с автографом А.Крученых

В интервью Татьяне Бек Л.Б. рассказывала:

«Вячеслав Иванов преподавал в Бакинском университете, и мама посещала его лекции и семинары (о Пушкине, о Достоевском, по римской литературе). Он ее полюбил, о чем можно судить по надписи на обороте титульного листа книги Вячеслава Иванова "По звездам" (СПб., 1909), которую он сделал маме: "Дорогой Татьяне Владимировне Толстой, виртуозу в поэзии и милой моей приятельнице, на память о старом профессоре. Вяч. Иванов. Баку. 8.2.1922". Впоследствии уже в Италии он перевел одно мамино стихотворение на итальянский язык, которое его дочь положила на музыку. Лидия Вячеславовна пишет об этом в своих мемуарах. Когда я родилась (24 сентября 1921 года), то мама попросила Иванова меня крестить. Но мама с ее выкрутасами хотела меня назвать Саломея (наверно, не без влияния Манделъштама – домашнее имя предполагалось "Соломинка") или Дездемона. Представляете, какой был бы ужас?! – Но Вячеслав Иванов сказал, что он не будет крестить девочку с таким именем, а пусть мама

назовет меня Лидия. Его покойную жену звали Лидия и дочь Лидия, а еще была в Петербурге актриса Лидия Борисовна Яворская – его тайная или нетайная любовь. Вот если, дескать, назовут Лидия, то он меня покрестит. Против таких доводов мама устоять не могла. Но возникла еще одна трудность. По обычаю полагалось, чтобы крестный бросил в купель горсть золотых монет, чтобы новорожденного ждала богатая жизнь. Представляете: 21-й год, Баку, только что пришли большевики, в моде бумажные миллионы, какие золотые монеты? И он сказал маме: "Танечка! У меня никаких золотых монет нету, но у меня (он очень много путешествовал) осталась мелочь самых разных стран. Я кину ей в купель горстку этих монет – и вместе с ними дух путешествий. Она будет много ездить"».

В 1924 году Вячеслав Иванов написал Татьяне Владимировне рекомендацию на Брюсовские курсы: «Удостоверяю, что Татьяна Владимировна Вечорка-Толстая, автор двух поэтических сборников, вышедших отдельными книгами, ряда исторических статей, поэтических переводов и многих рецензий, принадлежит к числу писателей, составивших себе литературное имя. Вячеслав Иванов, проф. Азербайджанского гос. университета...» Рекомендацию эту Татьяна Владимировна бережно хранила в альбоме вместе с засушенными фиалками, которые Вячеслав Иванов когда-то ей подарил.

Лида Толстая и ее няня Поля. Баку, 1922. Рисунок Т. Толстой

Москва

В 1924 году семья вместе с бабушкой со стороны матери (Ниной Алексеевной Костенской) отправилась в Москву. О Нине Алексеевне Л.Б. говорила:

«...В юности писала стихи и даже одно стихотворение отправила князю К.Р. Он в ответ трогательно прислал ей свою книгу с дарственной надписью на адрес заведения святой Нины, где она училась. Там начался переполох: великий князь... прислал... книгу... гимназистке!.. Вообще я иногда удивляюсь, почему у меня в голове не образовалась литературная каша. Отец без конца декламировал Бунина. Мать восхищалась футуристами и при этом боготворила Блока и Ахматову. Любила Цветаеву, но меньше (мне это передалось). А бабушка, когда родители уходили, читала мне вслух Некрасова – "Мороз, Красный Нос", "Русские женщины". Кроме того, бабушка рассказывала мне содержание "Былого и дум". Мне было тогда лет пять. Мы с ней много гуляли по Москве (а тогда недавно переименовали улицы: Газетный переулок стал улицей Огарева, Никитская – улицей Герцена), и она мне рассказывала, как они дружили, о клятве на Воробьевых горах... Рассказывала мне содержание и "Войны и мира", и "Фауста".

Бабушка была образованным человеком, у меня с ней даже однажды случился такой конфликт когда я училась в школе, нам велели записывать неграмотных соседей в кружок ликбеза, каждый должен был принести список записавшихся. Я в третьем классе училась – кто ко мне запишется? Ну, и я записала бабушку. Она та-а-ак оскорбилась: "Я знаю четыре языка, я даже греческий и латынь знаю, а ты меня в ликбез..." Был жуткий скандал, нас еле помирили. Так вот, она была образованная, но это не мешало ей придумывать смешные истории про Пушкина и Лермонтова: как маленький Лермонтов со своей бабушкой ездил на елку к Пушкину – и их встречала пушкинская няня... И про других великих тоже. Потому они все становились мне как родные... Теперь я думаю: это было правильно».

* * *

Жилья сначала не было. Снимали часть дома за городом. Наконец от Госплана, где Борис Толстой работал юристом, им выделили комнату в доме в Воротниковском переулке недалеко от центра.

«Мирно потекла наша жизнь в старом, желтом, словно осенний лист, особняке. Совсем неподалеку звенят трамваями Тверская и Малая Дмитровка, изредка гудят автомобили, хлопают двери магазинов и кинотеатров, куда-то торопятся прохожие. А здесь, в Воротниковском, – тишина».

В Москве еще были палисаднички, хозяйева держали кур, слышался петушиный крик, перезвон колоколов, стук колес, крики разносчиков. В 1929 году с началом широкой антирелигиозной кампании принялись закрывать церкви, снимать колокола.

Татьяна Владимировна стала работать в газетах. Когда в декабре 1925 года в Москву привезли тело Есенина, она взяла четырехлетнюю дочку в Дом Печати, где был установлен гроб.

Нина Алексеевна Ефимова с отцом и мужем Владимиром Николаевичем

«Большая, почему-то скудно освещенная комната, где стоял гроб с телом Есенина, была полна народу, и пробраться вперед стоило труда, – писали в газетах. – Голоса были негромки, дальние углы комнаты тонули в полумраке, только гроб был освещен. Все время менялся почетный караул. В глубине комнаты сбились в траурную группу близкие Есенина. Понуро сидела на диване, уронив на опущенное лицо прядь коротких волос, бывшая жена поэта Райх. Кто-то утешал САТолстую. Немного поодаль выделялась среди других своим крестьянским обликом не спускавшая глаз с гроба пожилая женщина – мать Есенина, Татьяна Федоровна».

Как корреспондентке, Татьяне Владимировне удалось войти в комнату, когда народу еще не было, и маленькая Лида успела разглядеть сильно заgrimированное лицо Есенина, которое ее очень напугало.

Татьяна Вечорка вступила в московский «Цех поэтов», которым руководила Анна Антоновская, знакомая ей еще по Тифлису, сохранялись и развивались старые и новые поэтические знакомства.

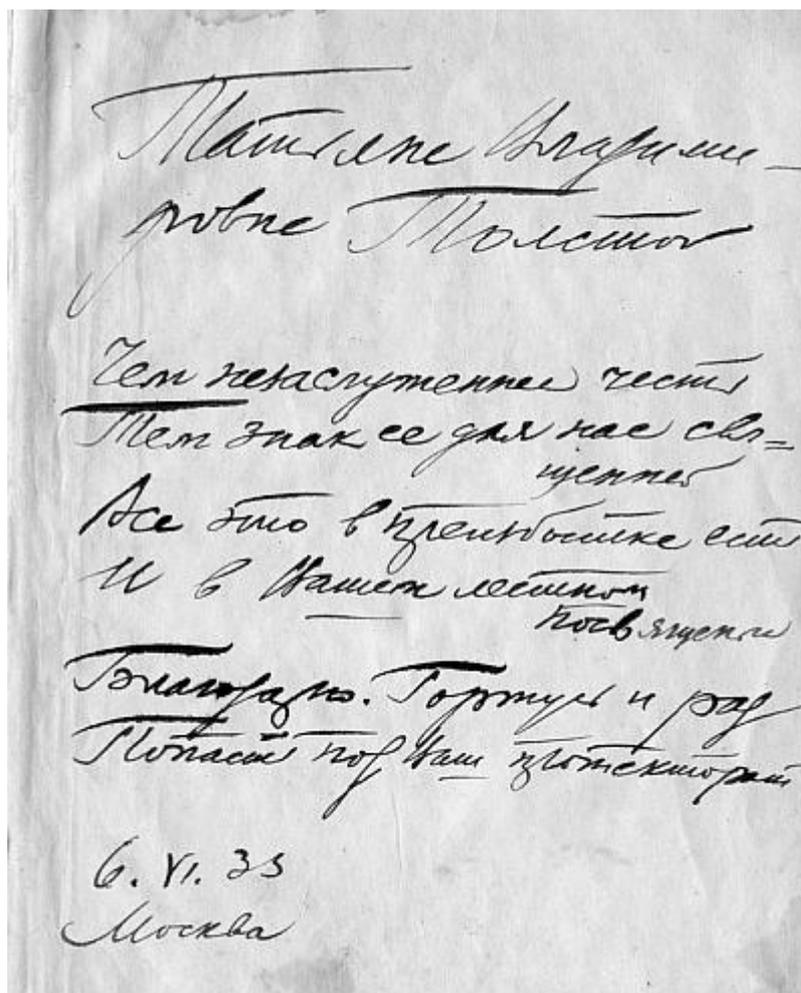
Почти каждый день в дом приходил Крученых.

Дом в Воротниковском переулке

«Крученых не приходил, а прибежал, – писала Лидия Борисовна. – Он всегда бежал – по улице, по двору, по коридору, по комнате. Сидеть на одном месте для него, очевидно, было мучением, потому что даже ел и пил он стоя, пританцовывая... <...> Приходя к нам, Крученых тут же на ходу открывал портфель, доставал из него какие-то листки, читал вслух свои странные стихи, потом они с матерью моей о них яростно спорили, правили, вносили поправки в текст и Крученых снова прятал их в портфель и убегал куда-то, чтобы через несколько часов появиться вновь».

Поэт, к которому были прикованы мысли и чувства Татьяны Владимировны, как в юности к Блоку, был Пастернак «Борис Пастернак. Это имя уже в те годы произносилось в нашем доме не иначе, как с восторгом. На материнском столике рядом с однотомником Блока и белыми сборниками Ахматовой лежала книга в коричневом переплете, и на ней в белой раме заглавие: "Две книги"».

Автограф стихотворения Б.Пастернака, посвященного Т.В.Толстой. (Надпись на книге «Воздушные пути», М., 1933.)

На уцелевших страничках дневника конца 1920-х годов Татьяна Толстая писала:

«В разговоре поразило его благородство по отношению к поэтам и людям: он обо всех отзывался очень беспристрастно и благожелательно – у него нет дурной закваски и обиды к людям, хотя ему уже года тридцать два – тридцать три и, верно, ему пришлось много претерпеть. В частности, он очень нуждается в деньгах, но и об этом говорит как-то по-философски. 22/ IX 1927 я шла по Тверской с Лидой от Алеши (брата – Н.Г.), и обе были мокры от моросящего дождя. Пастернак в своем сером весеннем пальто остановил меня: "Я прочел Вашу книгу. Как много в ней хорошего. Вы понимаете, что есть стихи, сделанные просто так, а у Вас кровинка есть"».

Слова Пастернака, голос, случайный поцелуй на улице она хранила в своей памяти как драгоценность.

Второе издание романа о Бестужева-Марлинском (1933) она посвятила любимому поэту. Пастернак ответил на это посвящение стихотворной надписью на своей книге «Воздушные пути» (1933):

Чем незаслуженнее честь,
Тем знак ее для нас священной,

Все это в избытке есть
И в Вашем лестном посвященье.

Благодарю. Горжусь и рад
Попасть под Ваш протекторат.

О том, как дорого Татьяне Толстой было это посвящение и фотография Пастернака с подписью, говорит выцветший, всегда стоявший у нее на столе снимок поэта.

Борис Пастернак. Фотография с дарственной подписью Татьяне Вечорке

На домашние литературные посиделки в Воротниках сходились разные поэты. Это был своего рода прообраз будущих застолий у Лидии Либединской:

«...Когда они ждут гостей, готовя скромное угощение – маленькие бутерброды, ласково называемые "тартинками", раскладывают на тарелочки печенье, а в вазочки – домашнее варенье к чаю. Когда стол накрыт, отец разжигает камин, чудом уцелевший в вихре войн и революций, и комната наполняется теплым рыжеватым светом. А вот и первые гости – обычно это были Алексей Крученых и Николай Асеев, а если в это время находились в Москве грузинские поэты, то и Тициан Табидзе и Паоло Яшвили обязательно приходили к нам, а с ними Сергей Городецкий. <...>

К их приходу заранее готовились: нас с бабушкой посылали в Охотный Ряд "за провизией", как тогда говорили, чтобы хорошо угостить. Потом меня отправляли во двор встречать гостей. Первым вбегал Крученых со своим портфелем под мышкой (я долго думала, что он с этим портфелем и спит). За ним влетал, словно в танце, Паоло Яшвили – высокий, изящный, красивый. Он меня хватал на руки и кружился вместе со мной. Потом медленно

вплывал Тициан Табидзе, клал мне руку на голову, как будто благословляя. Городецкий вышагивал своими журавлиными ногами. Позже стал бывать и Пастернак, когда он уже подружился с грузинами и стал их переводить....

Сейчас за дымкой лет эти вечера в Воротниковском переулке кажутся мне сказочно прекрасными. Да так, наверное, и было: звучала музыка, помню, как однажды играл Генрих Нейгауз, читали стихи Пастернак и Асеев, раздавалось грузинское пение – все были молоды, веселы, полны надежд...»

Шарж и стихотворный экспромт С.М.Городецкого (22.IV.1915): «Она сидит, поднявши ручку/ И приспустив свое плечо./ Глаза сверкают горячо – / Видали ль вы такую штучку?»

Времена менялись. После тридцатого года имя Татьяны Вечорки перестало существовать. Футуристы, заумь, тбилисский фантастический кабачок, сборники стихов – все это должно было уйти из жизни навсегда. Футуризм и все левое искусство стало смертельно опасным.

Уже в пятидесятые годы произошел комичный случай. В доме в Лаврушинском жил критик и собиратель поэтических сборников двадцатого века Анатолий Тарасенков. Однажды к нему забежал вечно что-то выискивающий для своего архива Крученых. Тарасенков подступил к нему с вопросом, не знает ли он, где найти сборники стихов «Магнолии» и «Беспомощная нежность» некой Татьяны Вечорки, о которой он ничего не знает. Крученых посмотрел на Тарасенкова, выпучив глаза, и стал истерически хохотать, при этом колотя, как

конь, ногой в пол. Тарасенков решил, что тот сошел с ума, и стал его успокаивать, но Кручных продолжал давиться хохотом, выкрикивая: «Она, она», – и бил в пол ногой. Его напоили водой, и тут он, наконец, вымолвил, что она живет с Тарасенковым в том же подъезде и каждый день ходит с внуками гулять. Тарасенков, который виделся с Татьяной Владимировной Толстой каждый день, был немало удивлен, что она и есть разыскиваемая им Вечорка.

В тридцатые годы Татьяна Толстая начала писать роман о декабристах. Прошлое стало единственно возможным уходом из реальности, в которой становилось все опаснее жить.

Граф Толстой в ссылке

Хотя Борис Дмитриевич Толстой и продолжал с увлечением работать в Госплане над первым пятилетним планом и над его кроватью висела большая карта РСФСР, на которой жирными точками были отмечены пункты будущих грандиозных строек, в 1934 году после убийства Кирова, началось изгнание из крупных городов всех, кто имел дворянское происхождение. Бориса Дмитриевича выслали в Алма-Ату. «Помню, что у отца хранились визитные карточки с золотым обрезаем и маленькой короной, на которых паутинно-каллиграфическим почерком было выведено: "Граф Борис Дмитриевич Толстой". Внизу отец приписал фиолетовыми чернилами: "Сотрудник Госплана РСФСР"».

Москва, Охотный Ряд. 1930-е

Прекрасного юриста и экономиста вычистили из Госплана за происхождение. Несколько месяцев он пытался устроиться на работу в Москве. Все было тщетно, пришлось искать работу на периферии. Подписав контракт, он уехал в Казахстан.

Отец – Борис Дмитриевич Толстой. 1936

Отношения между родителями были непростыми. Борис Дмитриевич был человеком вдохновения. Изнеженный и болезненный, он не очень хорошо справлялся с ролью отца и главы семейства. Болезненность отчасти была связана с пристрастием к опиуму, начавшимся в Баку, где в то время было немало опиумных притонов, которые держали китайцы. След от опиумных «уходов» мужа остался в стихотворении Татьяны Владимировны.

Вновь голова на спинке стула,
И под ресницей стертый сплин,
И тени холода легли
В бледнеющих монгольских скулах

Пока расплывчато в груди
Опий колобродит душный —
Как Будда, в сумерки глядишь
Неуязвимо равнодушно.

На одной из дневниковых страничек Татьяна Толстая с горечью описывала отъезд мужа.

«16/IV. Вчера утром уехал Боря в Алма-Ату – доехали трамваем, немного не дойдя вокзала, сошли. Медленно, с вещами. Бродили по вокзалу, стояли с чемоданами. Поезд подали за сорок минут. В купе вошла женщина с мешками. Пахло дурно. Она потом сказала: "У меня было два кило дрожжей, они испортились". Потом вынула два хлеба, изъеденные мышами, – они

пролежали десять дней в камере хранения. Мы рассеянно смотрели, пошли ждать на платформе. Говорили, перебивая друг друга, целовались долго и накрепко.

Поезд когда двинулся, я шла рядом довольно долго, пока он отъезжал.

<...>

Мариелла (двоюродная сестра. – *Н.Г.*) удачно сказала про Бору:

– Он очень всех вас любит, и очень приятный, и преданный, и симпатичный, но странный – хочет, чтоб семья денежное оформление имела свое.

Я смеялась весьма печально, слушая это верное определение.

Вокзал напомнил мне поездку в Свердловск в первый период, когда я была так нестерпимо счастлива, а потом приходят воспоминания о непонятно-тяжелой моей истории... Не могу успокоиться. Однако теперь опять я буду, я должна писать. Черт возьми. Я сегодня утром подумала: нет, я еще не стара. Я знаю многое. Я могу еще жить. Я могу много сделать, и я сделаю».

С отцом. Нач. 1930-х

Сначала Борис Дмитриевич звал семью к себе в Алма-Ату, но вскоре встретил и полюбил женщину с семилетней девочкой. У него образовалась другая семья. Решив объясниться с Лидой, он без стеснения рассказал дочери о прошлой жизни с Татьяной Владимировной и о своей новой любви в письме от 3 июля 1937 года.

«<...> Ты знаешь, что с твоей мамой, Татьяной Владимировной, мы жили неплохо. Правда, я женился на ней не по страстной любви, а сначала как-то шуточно, на время, на два месяца... Я знаю, что мама первый год до твоего рождения любила меня и заботилась обо мне. Я же, хотя и не был влюблен, но быстро привязался к ней и чувствовал к ней большую нежность, скучал, когда она уезжала, любил говорить с ней. В дальнейшем чувство это углублялось, хотя похоже оно было больше на любовь брата к сестре, отца к дочери, сына к матери – на родственное чувство, чем на любовь мужчины к женщине. Она же, когда ты родилась, всю силу своей нежности и любви перенесла на тебя, а я отошел для нее на второе место. Она больше стала требовать от меня материальных моментов, так как видела во мне столько любовника, мужа, сколько отца ее ребенка.

Вот потому-то и получилось такое странное положение – я как будто любил жену, скучал без нее, нежно относился к ней, а в то же время изменял ей, заводил романы с другими женщинами (еще в Баку, потом в Москве). Сам я думал, что это потому что я – человек утонченного сознания и культуры и сумел стать выше обыденных и мещанских чувств. А на самом деле – это было потому, что я любил ее не как любовницу, не как жену, а как сестру или мать. Ведь как ни сильно любит брат сестру, это не мешает ему влюбляться в других женщин, любить их. Понимаешь – в чем дело? Ты скажешь: "Но ведь брат не имеет с сестрой интимной близости, а ты ее имел со своей женой-сестрой; доказательство – я, твоя дочь". Верно, но это не меняет дела. Физическая близость ни о чем не говорит, ее можно иметь, и не любя женщину, ее можно иметь, любя женщину как сестру родственной любовью. А кроме того, я не любил тех женщин, с которыми разводил раньше романы, а так – немного увлекался, и то не всегда.

Шли годы, родственное чувство к маме твоей углублялось, усиливалось привычкой, я не знал иного чувства и думал, что все в порядке... Переваляло мне за тридцать, молодость ушла... Правда, я иногда с горечью думал – почему судьба не послала мне счастья обладать любимой женщиной, почему мне не пришлось иметь полную близость с такой женщиной, в которую бы я был влюблен. Как, например я был влюблен, будучи юношей, в Нину Вам², вот как ты влюблена теперь в этого Валю³. Я понимал, что это, должно быть, большое счастье, ноу меня его не было. Те женщины, которыми я обладал, – это были те женщины, в которых я влюблен не был.

Ты теперь знаешь, что такое влюбленность. Ведь это не то, что любовь твоя к матери, к отцу и т. п. Это нечто совсем иное – когда все сердце поет, верно ведь? Но я думал, что мне это чувство уже недоступно, что влюбленным, я мог быть только в молодости, а теперь нет. Что уж такое мое счастье, что те, в кого я был влюблен, что я не мог обладать ими. А обладать приходилось теми, к кому я хорошо относился, кого любил, но в кого влюблен не был. Я и думал, что влюбляться я больше уже не могу и придется мне кончить жизнь, так и не узнав счастья обладания женщиной, в которую ты влюблен.

---

² Возможно, имеется в виду Нина Игнатьевна Бам (1901-1974), писатель, журналист, драматург.

³ Валентин Литовский (1921-1941) учился с Л.Б. в одной школе. Играл Пушкина в фильме «Юность поэта». Погиб на Великой Отечественной войне.

*Так я и жил, примирившись с тем, что это для меня недоступно.
Вместо этого я привязан был к маме, относился к ней с нежностью».*

Лида Толстая. Кон. 1920-х

Лида Толстая. Сер. 1930-х

История любви, рассказанная дочери на нескольких страницах письма, походила на дореволюционную фильму, которые в избытке крутили в кинотеатрах. Если бы не детали про исчезнувшего (арестованного) бывшего мужа, то все бы смахивало на прежние мелодрамы.

«Приехав в Алма-Ату, я крепко валял тут дурака сначала.

Но, встретившись с Марией Ивановной Кох, я убедился, что чувство любви, влюбленности для меня еще существует. Она – умная, интересная женщина, очень нервная, очень бурная и во многом мне родная. У ней свое бурное прошлое, много она пережила. У нее был муж, некто Эрвин Кох, она жила с ним одиннадцать лет и ушла недавно, но он любил ее безмерно и шел на все. Детей у них не было, но был случай, что она стала близка с одним молодым человеком (тут целая история) и от связи с нему нее родилась девочка Маргарита. Муж знал, что ребенок не от него, но никогда ничего ей не говорил об этом (он только посмотрел на нее, когда, взяв только что родившегося ребенка на руки, он увидел, что ротик ребенка – вылитый как у того соперника). Ребенка он полюбил как своего и был для него подлинным отцом. И все считали и считают его ее отцом. А ее настоящий отец даже никогда не видал свою дочь – будучи беременной, она уехала из тех мест, и

девочка родилась уже в Алма-Ате; он только догадывался, что ребенок у нее – от него. Но он – далеко, с ним все окончено еще тогда, до рождения ребенка. И все родные, и сам ребенок считают отцом этого Э.Коха. Но в 1933 году он был обвинен в служебном преступлении (неправильно, он не был виноват) и получил шесть лет лишения свободы. Его отправили на стройку Волга-Москва. А Мура перенесла много бед, распродала все вещи и стала работать, содержа старуху мать и ребенка. Она мужественно переносила свою судьбу. Я ее встретил, когда уже два года она ушла от мужа, своей работой содержа семью. Когда она уже крепко встала на ноги, к ней приехала старшая сестра Софья (ей сорок пять лет), которая вместо помощи полгода проживала у нее на шее, а потом стала служить...

Борис Толстой и Лида Толстая. Баку, 1922. Рисунок Т. Толстой

Не буду долго рассказывать, скажу одно – я влюбился в Муру как юноша... Она избалована успехом у мужчин, ей привычно поклонение... Сначала она только позволяла любить себя, любовь ее ко мне проявилась позже, чем моя. Сначала мы просто встречались каждый день у нее, все больше и больше бывали друг с другом, все труднее становилось уходить вечером. Все чаще я стал оставаться до утра. И постепенно мы стали жить вместе, даже не сговариваясь заранее, что будем жить вместе...

Когда я приезжал в Москву в 1936 году, мы уже жили вместе, хотя номер в гостинице был за мной. По возвращении я окончательно поселился с ней.

И вот скоро уже два года, как мы живем вместе. Я узнал счастье обладания любимой женщиной. И благодарю Бога, что на склоне жизни мне послано это большое счастье... Она любит меня трудной, неуравновешенной любовью... Когда я как-то запоздал и пришел с работы в 10 час. вечера – с ней был тяжелый сердечный припадок...

В прошлом году, еще летом, она написала мужу обо всем. А осенью он прислал известие, что его досрочно освобождают и он поступит там же на работу вольнонаемным. А потом просил разрешения приехать, повидаться и попрощаться. Я не возражал. Ведь человек терял семью – работы у него больше нет, он – одинок, бедняга. И вот в ноябре прошлого 1936 года Э.Кох приехал сюда... Представляешь, что это были за дни. Он прожил три дня – ему отвели место, где спит Софья. Он продолжает любить Муру, я его не видел, хотя жили в одной квартире. Он заявил, что не может меня видеть – слишком тяжело и он боится, что будет эксцесс. Только благодаря такту и уму Муры дело обошлось без кровопролития. Он звал ее уехать с собой, хотел увезти ребенка, словом, целая трагедия. Я ни в чем не принуждал Муру, она руководствовалась только любовью ко мне. Но ей тоже было тяжело разорвать с человеком, с которым она жила одиннадцать лет. Когда он уехал, вместе с ним уехала старуха мать, которую Кох проводил к ее сыну, старшему брату Муры, живущему под Москвой.

И так мы остались: я, Мура и Ритка (ей семь лет) и с нами живет старшая ее сестра Софья (работает секретарем). И так живем. В марте получили известие, что старуха мать умерла – она очень скучала по внучке, Ритке, и не перенесла перемены климата.

А Эрвин Кох, потрясенный всем произошедшим, тяжело заболел горячкой и едва не умер – теперь он, кажется, оправился, но не пишет, только прислал поздравление Ритке с днем рождения. Он ее любит как родную дочь. Вот такая разыгралась драма.

Ты видишь, что дело тут серьезно и нас с Мурой связывает большое чувство. Она очень часто говорит о тебе, хотела бы тебя повидать и познакомиться.

Я прошу тебя – ведь она близкий человек твоему отцу, человек, любящий твоего отца, стало быть, и тебе не посторонняя... Напиши ей несколько строк в том духе, что хотела бы с ней повидаться, что ты хорошо к ней относишься как к близкому человеку отца, что ты уверена, что при встрече вы друг друга полюбите... Напиши так – мне очень хочется, чтобы ты сблизилась с Мурой... Так, как некогда твоя бабушка, моя мама – сблизилась с женой своего отца, моего деда.

К маме у меня осталось прежнее чувство – я иногда остро чувствую это, но это совершенно иное чувство, чувство брата к сестре.

В последующем письме я опишу тебе нашу жизнь... В этом письме излагаю всю историю моей жизни за последние два года. Я очень люблю Муру, чем больше мы живем, тем сильнее это делается... Но я очень скучаю о тебе, очень хочу с тобой свидеться, тогда все было бы хорошо <...>».

К сожалению, это письмо было отправлено в Москву незадолго до ареста Бориса Дмитриевича. И можно с уверенностью утверждать, что Мура и ее дочь с момента ареста исчезли с его горизонта. Его же осудили и отправили в Красноярский лагерь, откуда он настойчиво писал своей бывшей семье.

По всей вероятности, для Татьяны Толстой откровения бывшего мужа, изложенные в письме к дочери, стали потрясением. Ее сердце навсегда закрылось. Именно этим можно объяснить тот факт, что на его жалобные и пронзительные письма она не хотела отвечать.

Татьяна Толстая с дочерью Лидой. Сер. 1920-х. Фото М.С.Наппельбаума

8 августа 1941

«Милая Тасенька!! Может, ты и рассердишься, что я называю тебя так, но я надеюсь, ты простишь мне это... Увижу ли я еще тебя? Когда я смотрю на буквы такого близкого, мучительно трогающего сердце почерка, я весь отдаюсь потоку воспоминаний – бурной волной он несетя чрез сознание, далеко уводя от настоящего... Вот уж полгода, как пришел этот листок – первый и, увы, единственный. Четыре раза я писал тебе, вкладывая страничку для тебя в письмо Лиде, но... глухое молчание является единственным ответом на все мои обращения. Полгода висит это глухое молчание, оно стало тревожным и гнетущим, стало, как застывшая каменная стенка, за которую не проходят самые горячие взволнованные слова. А ведь как сильно я был взволнован твоим приветом, как радостно потрясен... Тем тяжелее было наткнуться на это молчание. Найти и снова потерять вас...

Когда объявляют письма, я с замиранием жду, не позовут ли меня... Счастливицы уходят, жадно проглатывая строки на ходу, а я отхожу, опустив голову, сотый раз передумывая – почему же нет писем от вас.

Неужели не получено четыре моих письма... Неужели не дошли ваши ответы до меня... Хочу верить, что это так, – а то придется думать, что вы решили не отвечать мне... Может быть, это так? Но тогда коротко сообщите же мне об этом, избавьте меня от напрасных ожиданий и волнений. Впрочем, повторяю, хочу верить, что это не так, что иная причина препятствует мне получить ответ от вас. А так хочется узнать побольше о жизни Лиды и твоей, узнать о моей внучке – дорого бы я дал за возможность взглянуть на нее, взять ее на руки и приласкать это крошечное создание... Это ведь наше с тобой, Таня, продолжение, наша ветвь... Не странно ли!

Милый мой, Тасенька. Подруга пятнадцати лет! Ответь же, откликнись... Я понимаю, что сейчас не до того тебе... а все же пару слов черкни... Мой сердечный привет бабушке (я, как и она, имею теперь миокардит, бывают отеки и проч.) ...Алеше и Танечке⁴ искренний привет – не сомневаюсь, что Алеша крепко помог вам в эти годы... Я уже не раз встречал его имя в печати и всегда радовался, что он преуспевает. Если есть возможность, пошли мне бандероль со старыми газетами, журналами, стихами [м.б. статьями]. И карточку – Лиды с внучкой и твою. Жду хоть какого-либо, но ответа... О себе напишу после его получения. Целую тебя крепко в быстрые глаза и (не сердись) в тонкие, сердитые губы...

Борис».

В 1942 году Борис Дмитриевич погиб в лагере. Но подробности его гибели не были известны в семье вплоть до первой публикации «Зеленой лампы». Однажды Лидии Борисовне пришло письмо, из которого стало известно о последних днях ее отца. Полностью оно опубликовано в «Зеленой лампе»; здесь же хотелось бы привести несколько эпизодов, которые показывают характер Бориса Толстого еще с одной стороны. Несмотря на выпавшие испытания, он оставался человеком благородным.

«Наш лагерь под управлением Красноярских лагерей, – писал его товарищ по лагерю, – находился в глубокой тайге, в 15 км от станции Решеты и был в составе Нижне-Пойманского отделения, которое находилось в Решетах. Лагерь у нас был инвалидный, т.е. находились все заключенные – или больные физически, или маломощные, непригодные к тяжелому физическому труду. Однако работы были очень тяжелые – погрузка леса в вагоны или же земляные работы. <...>

На общие работы его выводили редко из-за очень слабого состояния здоровья. (Иногда все-таки выводили.) Это был обаятельнейший человек и, я бы сказал, очень талантливый. В чем заключался его талант? Во-первых, это был замечательный рассказчик, во-вторых, он прекрасно (подчеркиваю!) писал жалобы. Разъясню второе положение: очень многие наивно считали, что если они напишут жалобу в Верховный Совет, или Генеральному прокурору, или Сталину, или в другую какую инстанцию на неправильность их заключения, ибо никакой вины за собой не чувствовали, то их обязательно освободят. С нами вместе в заключении находились юристы с высшим образованием, на воле очень популярные и даже

---

⁴ Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971), брат Т.В.Толстой, и его жена Татьяна Федоровна.

известные, но все считали и даже сами эти юристы подтверждали, что лучшие всех напишет Толстой.

Многие были твердо уверены, что только по написанной жалобе Бориса Дмитриевича пересмотрят их дело и освободят, несмотря на то что никого по жалобам не освобождали, опять ходили к нему просить написать жалобу. <...>

Никогда, ни при каких условиях, порой чрезвычайно тяжелых, он не терял человеческого достоинства, чего нельзя сказать о многих людях с высоким интеллектом, занимающих на воле видные положения, доходивших до состояния животных.

Великолепно помню его красивую, стройную фигуру с гордо поднятой головой, с нежным красивым лицом. Он был очень худой и изможденный от вечного недоедания и отсутствия курева.

Из своей жизни на воле он любил рассказывать (причем, как я уже говорил, рассказывал он мастерски) о жизни в Баку, о пребывании в юнкерском училище, о своем брате, инструкторе физкультуры, которого он, очевидно, очень любил и рассказывал о нем с упоением. Часто ночью он взбирался ко мне на нары и тихонько, чтобы никого не будить, мы долго беседовали. Его положили в больницу, но в тех условиях лечение было очень слабое, хотя и были опытные врачи (тоже заключенные), из-за отсутствия хорошего питания и отсутствия медикаментов нужных. В последний раз его положили в больницу в очень тяжелом состоянии. Часто, почти ежедневно, я ходил его проведывать, и то скромное, что я ему приносил, он уже принимать не мог. За день до его смерти он уже был в бессознательном состоянии и уже меня не узнал <...>».

Лида Толстая. Нач. 1930-х

Известно, что Татьяна Владимировна в семье никогда не говорила и не вспоминала о своем несчастном муже. Боль так и не ушла. Хотя, когда появилось это письмо, она была жива и, наверное, его читала. В 1937 году все было очень страшно. Когда сведения об аресте мужа, хотя они уже были в разводе, дошли до Москвы, Татьяна Толстая потеряла работу. Подготовленная в печать монография об истории Серовского завода на Урале была возвращена, в других издательствах ее рукописи не принимали. Семья какое-то время жила на деньги брата Алексея Ефимова – автора учебников по зарубежной истории.

Но так долго продолжаться не могло. Закончив курсы корректоров, Татьяна Толстая стала искать работу. Наконец ее взяли в газету «Красная звезда». И хотя это был реальный кусок хлеба, такой поворот от работы над книгами к нетворческой газетной текучке был тяжким. Мать вела хозяйство. Лида стала редко бывать дома. Ее тяготила атмосфера, сложившаяся в их небольшой семье после ареста отца. И дело не только в эгоизме молодости, пытающейся скрыться от «взрослых» бед, – у девочки был живой характер, и здоровая земная природа упрямо жаждала гармонии и счастья.

«А в куклы вы уже перестали играть?»

Семья Бруни

Лида Толстая заканчивала школу. Перед выпускными экзаменами она родила девочку Машу. Андрей Ширман, ее первый муж, был начинающим художником. На Пушкинском юбилее в ТЮЗе в театральном кружке ставили спектакль по стихотворению «Жених». Она играла Наташу («Три дня купеческая дочь Наташа пропала»), а Андрей спектакль оформлял. Так они и познакомились.

«Внешне все обстояло прекрасно. Он был внимателен и нежен и ко мне, и к дочке. Может, слишком ревнив. Но в двадцать лет это простительный недостаток. И все-таки в наших отношениях происходило что-то не так. Когда я поняла это, то в одно, не знаю уж, прекрасное ли утро запеленала Машку и, бросив все, даже коляску, села с ней в такси и уехала к маме и бабушке в милый, старый дом в Воротниковском. Машка поступила в полное распоряжение моей бабушки, и, кажется, обе они были счастливы. В восемнадцать лет трудно быть нежной и заботливой матерью. Да я такой и не была. Я любила дочку, шила ей красивые чепчики и платьица, таскала по знакомым, благо она была очень хорошенькая. Недаром, когда я приехала в родильный дом, врач, насмешливо поглядев на меня, спросил: “А в куклы вы уже перестали играть?”

Но одно я знала твердо: женщина, рожая ребенка, должна рассчитывать только на свои силы. Значит, нужно было думать о заработке. Брать деньги у человека, от которого я сама ушла, казалось мне несправедливым и неестественным».

Лида Толстая с дочкой Машей. 1940

Как брак, так и развод были стремительными. Отец Маши погиб молодым на войне весной 1943 года. Лида училась в Историко-архивном институте, в остальное же время писала стихотворные рекламы для московских магазинов (Семен Кирсанов отдавал ей часть своих заказов), отвечала на письма в редакции «Пионерской правды», вышивала, вязала.

Мир только открывался ей. Общаясь с художниками, Лида познакомилась и, как ей показалось, полюбила Ивана Бруни, который так же, как и она, писал стихи, пробовал переводить. Его отец, замечательный художник Лев Бруни, в это время с бригадой расписывал плафон Театра Красной армии.

Лида очень волновалась, когда ее пригласили на день рождения 7 января 1940 года к матери Ивана Нине Константиновне Бальмонт-Бруни: она прекрасно знала стихи Бальмонта и работы Бруни и с огромным волнением шла в их дом.

Дом находился на Большой Полянке, Иван встретил ее на остановке трамвая, и они поднялись по лестнице на пятый этаж высокого серого дома, в большую коммунальную квартиру, где огромная семья художника занимала две небольшие комнаты. В тот вечер Дмитрий Журавлев декламировал отрывки из «Пиковой дамы», красивый, молодой Арсе-

ний Тарковский читал свои переводы, играла на рояле Мария Вениаминовна Юдина, среди других ей запомнился Александр Габричевский, похожий на английского джентльмена.

Иван Бруни и Лидия Либединская. 1941

«В этом доме было много всего: детей и бабушек, картин и книг, стихов и музыки, гостеприимства и бескорыстия. Мало было жилплощади и денег. И совсем не было мещанства. Здесь никогда не разговаривали о нарядах и домашних работницах, не рядили о московских сплетнях – ими просто не интересовались. Зато, если узнавали, что где-то беда, кидались туда – не затем, чтобы выразить сочувствие, а для того, чтобы помочь. Здесь с благодарностью принимали радость и мужественно встречали горе.

Здесь не боялись никакой работы: чисто вымытый пол или до блеска протертое окно вызывали такое же горячее одобрение, как прозрачные и мечтательные акварели, созданные руками хозяина дома.

Я наслаждалась дружественной и легкой атмосферой, царившей в этой семье, многому у них училась и мечтала, что когда-нибудь и у меня будет такая большая и дружная семья.

Чем ближе я узнавала Нину Константиновну, тем больше восхищалась ею и удивлялась, как смогла она пронести незыблемые устои семейной жизни, умение устраивать праздники не только для многочисленных родных, но для столь же многочисленных друзей пронести через все трудности быта (семья Бруни так и прожила до смерти Льва Александровича в двух тесных комнатах в огромной коммуналке), материальные трудности и исторические катаклизмы».

Москва. Зенитная батарея перед Театром Красной армии. Осень 1941

Бесспорно, что Лидия Толстая нашла здесь прообраз своего будущего Дома. Много детей. Взрослые и дети вместе за одним столом. Общие праздники. Гости. Искусство и литература – все под одной крышей.

Но уже осенью того же 1940 года Ивана Бруни призвали в армию и отправили в Монголию. К началу войны его дивизия была переброшена на Украину, где он и встретил войну, а уже через месяц был тяжело ранен под Смоленском. В конце июля его привезли в Москву и положили в госпиталь МОНИКИ на Третьей Мещанской. На следующий же день в госпиталь к нему пришел его отец; ни матери, ни братьям, ни сестрам никак не удавалось выбраться из Судака, где их застала война. Лида Толстая ухаживала за женихом, дежурила в госпитале, подменяя сестер.

Иван Бруни чудом выжил, стал поправляться. Госпиталь эвакуировали в Омск, где Иван пролежал всю зиму. В марте 1942 года он снова вернулся на войну. Именно на войне решил, что будет художником, хотя до этого тяги к живописи не испытывал. Он сделал посмертный рисунок Пастернака в гробу, его работа висит в Переделкинском доме-музее.

Цветаева: «Жаль, что вы не едете с нами...»

18 июня 1941 года Алексей Крученых предложил Лиде съездить к нему на дачу (маленькую каморку, которую он снимал, прячась от жары в Москве) в Кусково. Он сказал ей, что им надо еще захватить с собой Марину Цветаеву с сыном. Стихи Цветаевой Лиде были давно известны, но в Москве она ее еще не встречала, хотя та бывала в доме у Бруни; Цветаева очень хорошо знала в своей доэмигрантской жизни Нину Константиновну Бальмонт-Бруни и ее мать. Крученых и Лиде зашли к ней в квартиру на Покровский бульвар, в комнату в коммуналке, где она проживала с сыном Георгием Эфроном.

На память о встрече и прогулке по парку Кусково сфотографировались – это одна из последних фотографий, где запечатлена Марина Цветаева. Расставаясь после долгой днев-

ной прогулки, договорились встречаться. Цветаева согласилась посмотреть стихи юной поэтессы. Но через три дня началась война, и все пошло по-другому.

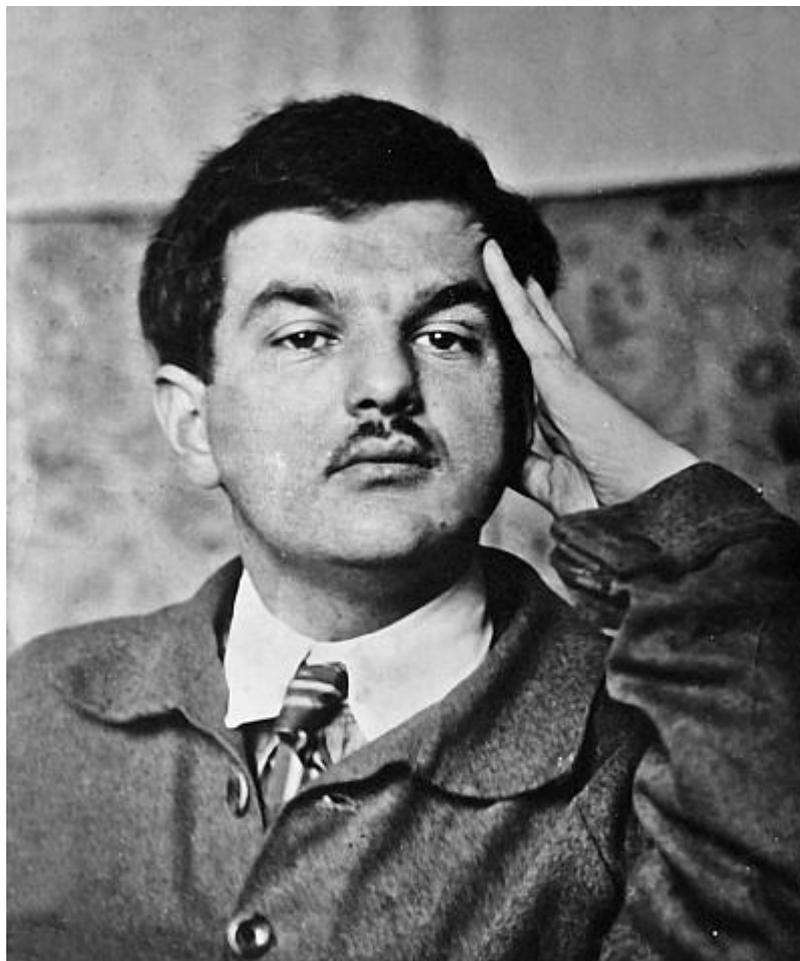

Алексей Крученых, Марина Цветаева, Лидия Толстая, Георгий Эфрон. Кусково, 18 июня 1941

«Начались бомбежки Москвы, – вспоминала Лидия Борисовна. – Мама настаивала, чтобы мы с Машкой эвакуировались с писательскими семьями в Чистополь или в Елабугу. Я сопротивлялась, не представляла, как могу оставить в военной Москве маму и бабушку. Но она без моего ведома включила нас в списки эвакуированных и потихоньку собирала теплые вещи и продукты. Я узнала, что мне предстоит плыть из Москвы на одном пароходе с Мариной Ивановной Цветаевой. Мы несколько раз разговаривали с Мариной Ивановной по телефону, она советовалась, что брать с собой. Я с глупым щенячьим оптимизмом утверждала, что война скоро кончится, не сегодня-завтра, потому брать надо всего как можно меньше. Голос у нее был неуверенный и порой мне казалось, что она колеблется, надо ли ехать. Я же по-прежнему категорически не хотела уезжать из Москвы, мы ссорились с мамой, бабушка грустно молчала».

Ранение Ивана Бруни разрешило их спор – сомнений больше не было: она остается, чтобы ухаживать за ним.

А тем временем 8 августа 1941 года Цветаева, спасая сына от бомбежек парходом, уходящим с Речного вокзала, уезжала вглубь страны в эвакуацию в Татарию. Лида абсолютно случайно оказалась в порту и простилась с ней.

Лев Бруни

Спустя годы я сидела на кухне Лидии Борисовны и записывала подробности той второй встречи на магнитофон.

Интересны были именно мелкие детали, которые не попали в «Зеленую лампу». Девушка, бегущая с дежурства, долгий трамвай, в сторону Речного вокзала, по сторонам улиц – окна, заклеенные крест-накрест полосками из бумаги. Люди на улицах с перевязанными бечевками чемоданами, мешками, схваченные ремнями тюки. Все куда-то едут или что-то ищут. Сосредоточенные лица.

Каким странным это ни покажется, Лида Толстая на этом мрачном полотне являла фигуру прочную и уверенную. От нее исходил гормон счастья, внушающий всем окружающим, что в конечном счете все будет хорошо, что беда пройдет и наступят лучшие времена. Именно поэтому ее взял с собой в порт Лев Бруни, а Цветаева скажет ей на прощание: «Жаль, что вы не едете с нами...»

Н.Г.: Скажите, Лидия Борисовна, как вы оказались на Речном вокзале? Что вас заставило туда поехать?

Л.Б.: Меня Лев Александрович туда потащил. <...> Почему я стала работать в госпитале? Там лежал Ваня Бруни, очень тяжело раненный. Я за ним ухаживала, но просто так там нельзя было находиться все время, я стала тоже там работать, бесплатно. Там же сдавала кровь. Мама с бабушкой и дочкой были на даче во Внукове. А Лев Александрович приходил каждый день, навещал сына. Нины Константиновны не было, она была в Крыму с двумя детьми, она приехала только в октябре, когда Лев Александрович достал для нее пропуск. Он мне сказал, когда я была в госпитале: «Завтра будем провожать Цветаеву, поедем со мной». Я приехала к нему. Обычно, когда я выходила из госпиталя, то не шла домой на Воротниковский, а ехала на Полянку. Я уж не помню, в который час это было, знаю только, что переменила дежурство, чтобы освободиться днем. Я переночевала на Полянке, и мы, позавтракав с Львом Александровичем, сели на 25-й трамвай, который ходил к нам в Воротниковский, на Дмитровку. Он останавливался прямо под их окнами, они жили в четвертом доме на пятом этаже. Мы сели на трамвай, долго пилили куда-то, но тогда я не придавала этому значения.

Мы туда приехали, там была целая толпа народу. Лев Александрович всех спрашивал, а я за ним шла тихо. Ко мне он относился как к Ванькиной жене. Я не помню, то ли автобус при нас подъехал... нет – они уже стояли. Они стояли там, среди груды вещей. Марина Цветаева стояла, но у нее вещей было мало. Она все время повторяла: «Левушка, вот рис кончится, что будет? Рис кончится...» У нее была наволочка с рисом. А Мур все время куда-то уходил, я не знаю куда. Потом Боков рассказывал, что он им помогал. Но я тогда не знала, кто такой Боков⁵, и никто не знал. И он меня тоже не видел. Мы незнакомы были. Просто никто из нас тогда ничего из себя не представлял.

Цветаева разговаривала в основном со Львом Александровичем, потом подошел Борис Леонидович Пастернак, и уже в конце приехал Эренбург. Я Эренбурга, по-моему, вообще первый раз и видела, потому что потом уже мы вместе с Брунями бывали у них в гостинице «Москва», когда вернулась откуда-то Любовь Михайловна. Не знаю, где она была. Они жили в нашем подъезде (имеется в виду Лаврушинский. – *Н.Г.*), и у них разбомбило квартиру, и они переехали в гостиницу «Москва». Потом он жил прямо в «Красной звезде» (помещении газеты. – *Н.Г.*), потому что Любовь Михайловна где-то отсутствовала. Но там были странные отношения.

---

⁵ Виктор Федорович Боков (1914–2009), поэт.

Москва, улица Горького. Осень 1941

На пристани Эренбург на меня никакого внимания не обращал, разговаривал с Цветаевой и с Львом Александровичем. Эренбург очень любил Бруни и Нину Константиновну. Он спрашивал про сына, потому что знал, что Ваня ранен, и очень тяжело. Второй сын уже был на фронте и потом погиб. Недолго все это было, но мне хотелось скорее уехать в госпиталь. Тогда Цветаева меня поцеловала и сказала: «Жаль, что вы с нами не едете...» До этого я по телефону с ней разговаривала, я не помню: один или два раза. Она меня спрашивала, что брать с собой. Я, дура, конечно, говорила ей (тогда все считали, что война кончится 18 августа), что ничего не надо брать. У нее, наверное, и так ничего не было. Я бы ничего не взяла. Мама меня уже записала на пароход. Мы должны были плыть. Но привезли Ваньку 18 июля, он был ранен под Борисовом. Такое тяжелое было ранение, что его сразу в Москву отправили. На месте не могли сделать ничего. Лев Александрович принес мне записку в Историко-архивный институт, что Ваня тяжело ранен, и я кинулась в клинику.

Ну вот, пришел Эренбург, и я сказала, что поеду в госпиталь. Тогда Эренбург говорит: «Левушка, – он его так называл, – тут машина за мной приедет, я тебя довезу». Не потому что Лев Александрович один не мог, он не старый был, только плохо слышал, у него когда-то менингит бы в детстве, и глаз был немножко поврежден. Он сказал мне: «Я приеду еще в госпиталь», – так что это было, наверное, еще в середине дня. И я побежала опять на какой-то трамвай...

На улицах Москвы. 1941

Тут еще очень важно напомнить, что на этом пароходе вместе с Цветаевой и Муром ехала старая бакинская приятельница Татьяны Толстой и Алексея Крученых, детская поэтесса Нина Павловна Саконская с сыном Сашей Соколовским. Георгий Эфрон, который очень переживал, что на пароходе будут только женщины с маленькими детьми, был рад общению с ним и Вадимом Сикорским. Вместе с Саконской и поэтессой Татьяной Сикорской Цветаева искала работу и угол в Елабуге, потом, когда Сикорская уехала на время в Москву, Саконская уговаривала Цветаеву не уезжать из Елабуги в Чистополь, она же была последней из эвакуированных (кроме Мура), кто видел ее вечером накануне самоубийства.

Н.Г.: Лидия Борисовна, что вам рассказала Саконская, когда вы встретили ее в Москве, после ее возвращения из Елабуги?

Л.Б.: В 1942 году, осенью, когда она вернулась из Елабуги, мне было ни до кого – ни до Цветаевой, ни до Саконской. Я ушла к Либединскому, не знала, как быть, где жить... Я ее встретила на улице, в нашем Дегтярном переулке, когда шла с Малой Дмитровки, а она –

к себе домой. Она сказала, что была у мамы, что только приехала. Ее выпустили из Елабуги, она просила об этом Фадеева, и еще за нее просил Кассиль.⁶

Сказала, что Цветаева была у нее накануне самоубийства. В закутке елабужской комнаты Саконской висело бакинское сюзане, которое она привезла с собой. Вышитое на сатине – тогда это модно было, надо было как-то стены прикрывать. Это сюзане было большое, как ковер. На Востоке всегда оставляют несделанный завиток, потому что кончается работа – кончается жизнь. Поэтому на всех ручных коврах есть такой завиток. Саконская рассказывала, что Цветаевой оно очень нравилось. Оно спускалось со стенки и накрывало пружинный матрац, а рядом стояла настольная лампа, которую Саконская тоже привезла с собой из Москвы. Цветаева любила садиться в свете лампы на фоне сюзане. Саконская так и запомнила ее в предпоследний вечер. И еще она сказала, что отговаривала ее уезжать. А на следующий день Цветаева покончила с собой.

Рассказ Лидии Борисовны о Нине Саконской и дяде Алексее Ефимове

«Девичья фамилия ее была Грушман. Их семья была довольно обеспеченная. Саконская посылала свои фотографии в Париж на конкурс красоты и даже получила приз. В Москве жили рядом: мы в Воронниковском, а они – в Колобовском. У нее, кстати, была какая-то детская повесть о скрипачах, где был описан домик прямо напротив ее дома, там, где церковь. Она поддерживала близкие отношения с композиторами. Когда мы у них бывали, там всегда был композитор Листов, там он играл “В парке Чаир” и “Тачанку”. На ее застольях все было очень элегантно сделано, какие-то тартинки, было очень красиво. ... У нее был роман с маминым братом, но от меня в детстве все скрывали. У него была ранена нога, он всю жизнь хромотал, был академик, занимался новой историей. Мне рассказывали, что будто бы ему вырвали зуб, у него началось заражение крови, и пришлось ампутировать часть ноги. А потом, уже после смерти Сталина, он сам признался, что воевал у англичан, был призван в армию в Тбилиси и ранен большевиками, поэтому это все тщательно скрывалось. Когда он лежал в больнице, то Нина Павловна к нему приходила, навещала его, но она каждый раз надевала новые шляпки, а там надо было просто еду приносить, есть было нечего. В общем, он был разочарован от ее шляпок, стихов. А тут пришла его другая знакомая, и он на ней женился, и они прожили сорок лет, но с Ниной Павловной роман не прекращался, время от времени он возобновлялся, и даже, я помню, в 1936 году были такие разговоры, что если Саконская забеременеет от него, то он к ней уйдет. У них с женой не было детей.

---

⁶ Во время войны эвакуированные не имели права по своей воле покинуть место эвакуации и вернуться в Москву, где действовал комендантский час и пропускная система. Только Фадеев (как Генеральный секретарь СП) мог хлопотать о выдаче такого пропуска. Именно поэтому его, начиная с 1942 года, забрасывали письмами эвакуированные писатели, жаждущие вернуться в Москву. Тем более что они в любой момент могли лишиться как имущества, так и жилплощади, которую занимали беженцы из соседних городов.

Алексей Ефимов

Нина Саконская

Крученых тоже был к ней равнодушен. Но не только к ней. Каждый день он обходил всех. Сначала он шел в дом тринадцать по Дегтярному переулку, там жила Красавица (так мы называли одну из соседок), потом к нам в дом два дробь одиннадцать, а дальше жила Нина Павловна, и он каждый день всех обегал. Его нигде не принимали как гостя. С мамой они какие-то стихи обсуждали, потом он ее заставил написать воспоминания о Хлебникове. Каждый день он приходил, каждый, иногда и по два раза в день. Бежал всегда с портфелем своим. “Мальчик, кинь мячик!” – кричали ему мальчишки, потому что он не шел, а бежал».

Льва Толстая и Михаил Светлов

В марте 1942 года Лида Толстая решила оставить Историко-архивный и поступать в Литературный институт. Она взяла свои стихи, которые были уже напечатаны в нескольких газетах, и пошла с ними за рекомендацией для поступления к Михаилу Светлову. Известно,

что он взял тетрадку с надписью «Л. Толстая» и сказал: «Льва Толстая? Ну, заходи, старуха». С этого началась дружба, связавшая их на всю жизнь.

С того дня до отъезда Светлова на фронт они встречались ежедневно. Много ходили по пустой военной Москве, по Ленинградке, за метро «Сокол», до самых Химок, сидели на ступенях заколоченного Речного вокзала.

Татьяна Ефимова, жена Алексея Ефимова

С его стороны это была влюбленность к юной талантливой девочке, с ее – нескрываемое восхищение.

В июне он уехал на фронт и стал писать ей иронично-нежные открытки. Но когда ее сердце занял другой человек, о чем, видимо, она ему сообщила, в его смешных посланиях появилась едва уловимая горечь, спрятанная под маской шутовства. С появлением в ее жизни Либединского Светлов надолго исчез, чтобы никак не бросать тень своим отношением к Лидии Борисовне.

23 августа 1942

Толстуха!

Я уехал, так и не попрощавшись с тобой. Но ты ведь давно знаешь, что я – хам.

Я с большим умилением вспоминаю твою милую круглую мордочку.

Напиши мне. Это меня очень обрадует.

О своей жизни напишу в следующем письме. Сейчас уходит почта.

Обними Марка⁷ и Юру⁸, и Лялю⁹, и Акопа.

Целую тебя,

Миша.

Мой адрес: Действующая Армия, П.П.С. 15–16, редакция «На разгром врага», мне.

Пиши! Пиши!

Михаил Светлов. 1920-е

---

⁷ Марк Борисович Колосов (1904–1989), писатель, драматург, друг Юрия и Лидии Либединских.

⁸ Либединский Юрий Николаевич (1898–1959), писатель, с 1942 года муж Л.Б.Либединской.

⁹ Речь идет о Ляле Людвиговой (наст. имя Елизавета Людвиговна Маевская), актрисе МХАТа, первой жене Б.Л.Сучкова, директора ИМЛИ.

6 сентября 1942

Толстун!

Получил твое письмо. Очень обрадовался ему. Значит, ты по-прежнему существуешь и делаешь добро. Это факт положительный.

Значит, возможно, и ты поедешь на фронт. Говорят, что и Жанна д'Арк была несколько толстовата, так что ты будешь похожа на нее, как две капли воды. Умоляю: поскорей, поскорей стань Орлеанской! Я так в этом нуждаюсь.

В редакции – милые ребята, и мне легко с ними работать. Боевая слава моя, сама понимаешь, еще не гремит по фронту, но мой боевой читатель пока что доволен тем, что я пишу для него.

Ко дню твоего рождения я, конечно, приехать не смогу. День твоего рождения – это, конечно, большой национальный еврейский праздник, но все равно так скоро редакция меня не отпустит. Заранее обнимаю, поздравляю и целую тебя.

Миша.

На обороте:

Марки можешь не наклеивать. Письма сюда бесплатные. Видишь, как я забочусь о твоём бюджете.

Михаил Светлов. 1941

13 сентября 1942

Толстун!

Так ты, значит, продолжаешь существовать. Еще бы! Попробуй тебя спихнуть с этой планеты!

Твое письмо и вырезку получил. Спасибо. Мне Олик уже прислал эту газету.

Хочу написать Акопу, но не знаю номера его квартиры. Напиши мне. А пока поцелуй его от моего имени.

Живу неплохо. Плохо только с жильем. Но, я думаю, устроится.

Пишу в газету, выезжаю на передовые, но пока только вживаюсь. Думаю, дальше интересней будет.

Ухаживать не за кем, так что не мучайся. Верен тебе поневоле. Но тебя это как будто вообще не волнует.

Пиши мне, пиши. У тебя ведь больше свободного времени.

Целую тебя,

Миша.

27 сентября 1942

Толстун!

Как видно из твоих писем, ты там не очень прыгаешь. Без меня не пляшется. То-то!

Писать тебе не о чем. За это время не было ничего нового за исключением того, что я один раз за обедом съел два вторых, так как был голоден.

Из твоего последнего письма также понял, что твой роман с Марком¹⁰ в полном разгаре. Поменьше приставай к нему, и он тебя наконец полюбит. Тогда будет полное счастье. А я буду стоять в стороне и завидовать.

Поверишь ли, я тут живу совершенным монахом. Трудно приходится, но что поделаешь – война.

Целую тебя,

Миша.

Целуй дочку и Юру.

P.S. У меня теперь новый адрес: Полевая почта 1516, часть 251, мне. По старому адресу письма доходить не будут.

4 октября 1942

Толстун!

Значит, твое желание участвовать на бранном поле не осуществилось. Нам тоже нужны работники. Я попробую уговорить редактора. Сама ты сюда не доберешься, даже если захочешь приехать сюда.

Сейчас в Москве находится зам. редактора. Если телеграмма его еще застанет, он зайдет к тебе или оставит записку. Он живет у меня.

---

¹⁰ Имеется ввиду Марк Колосов. М.Светлов шутит: в то время Л.Б. действительно часто бывала в квартире М.Колосова, но потому, что там жил Ю.Либединский, роман с которым тогда начинался.

Но все это пока еще нереально. Надо, чтобы ты хотела, надо, чтобы редактор согласился, надо, чтобы телеграмма еще застала зам. редактора.

У меня – ничего нового. Хорошие стихи не пишутся пока. Забавный случай. Недалеко от передовых я читал бойцам стихи. В это время на нас пикировали три бомбардировщика. Все легли. Я продолжал стоя читать. Самолеты сбросили бомбу, не долетев до нас. Ты сама понимаешь, что аудитория не очень слушала меня.

Пиши. Поздравляю тебя с совершеннолетием. Не забудь мой новый адрес: 1516 полевая почта, часть 251, мне.

*Целую,
Миша.*

11 октября 1942

Милая морда!

Наколи побольше дров – приду зимой греться. И за веселым огоньком ты услышишь рассказы бывшего солдата. И барон Мюнхгаузен побледнеет перед моим враньем. Итак, значит, я лечу верхом на снаряде... Ладно, потом довра...

Значительного ничего не написал. Все текущая работа.

Ты беспокоишься – жив ли я? А вот жив! А вот не простуживаюсь! А вот хочется коньячку или водочки, которые ты можешь прислать мне в жестяной посуде, чтобы не разбилась. А я выпью за твое здоровье!

В середине декабря, наверно, получу отпуск. И тогда, так и быть, увидимся разочек с тобой. Видишь, какой я великодушный.

2 декабря мои друзья здесь отпразднуют двадцатипятилетие моей литературной деятельности. Достань в этот день две стопочки, зайди к Апопу и выпей с ним за мое здоровье.

Заходил ли к тебе проездом через Москву мой друг – Коля Кононыхин? Пиши. Целую. Миша.

Москва, 1942

21 октября 1942

Толстун!

Был в отъезде, приехал и получил сразу три твоих письма. Если бы ты столько писала в литературе, то не поместилась бы ни в одной библиотеке. Продолжай в том же духе. Очень приятно читать твои письма.

У меня ничего нового. Бываю часто на передовых. Вижу много интересного. Когда приеду (думаю, в декабре), расскажу. А ты пока пиши что-нибудь высокохудожественное, и я по приезду прочту.

Учись, девочка, будь примерной, слушайся папу и маму и не читай Лидина.

Спасибо за желание оказать помощь. Я ни в чем не нуждаюсь.

Не огорчайся, если в твоём вузе нет ни одного Данте. Я знаю еще несколько таких вузов.

Заготовляй дрова к новой печке – приду зимой греться.

А пока – обнимаю и целую.

Миша.

Михаил Светлов с боевыми товарищами. 1944

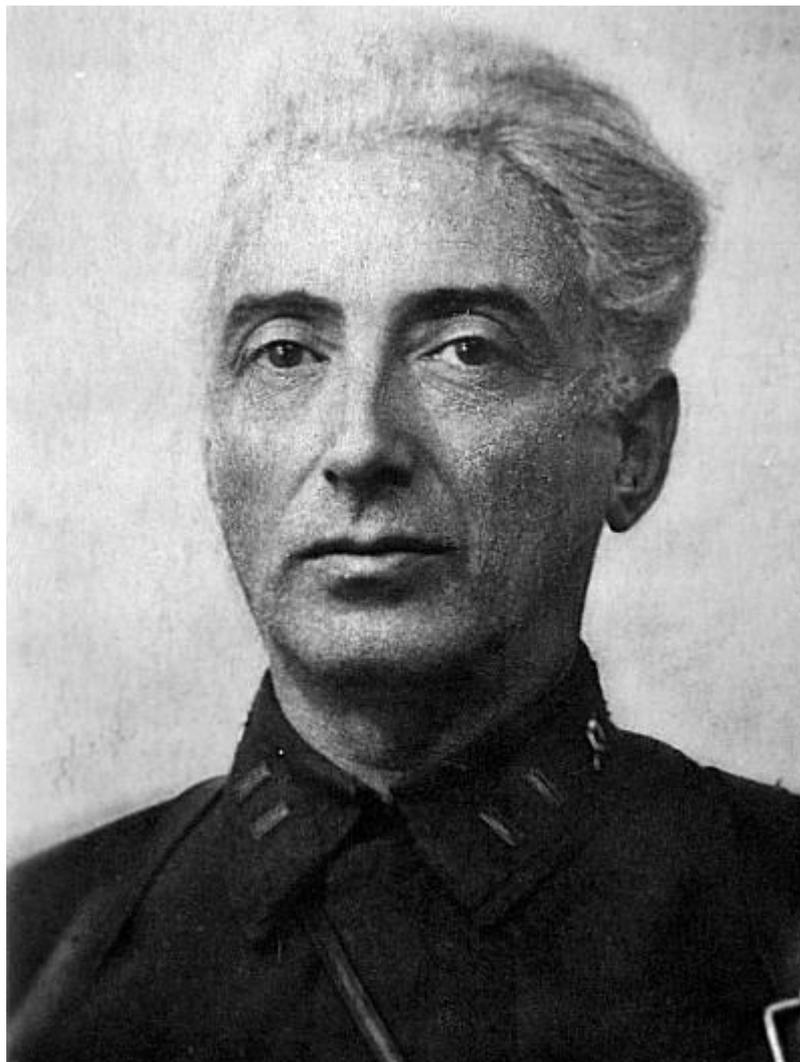
Спустя двадцать лет Михаил Светлов снова появился в жизни Лидии Борисовны, уже после ухода Либединского.

Юрий Либединский

Встреча

Вереница случайностей неотвратимо вела Лиду Толстую к встрече с Юрием Либединским. После тяжелой фронтовой контузии он поселился в коммунальной квартире в проезде Художественного театра. Принадлежала квартира Марку Колосову, пролетарскому писателю, давнему другу Светлова и Либединского.

Это был один из первых писательских домов, выстроенный еще в начале 1930-х годов, правда, к писателям в соседние комнаты обычно подселяли работников НКВД. Колосову повезло: с самого заселения к нему попросился жить уже сильно больной астмой Эдуард Багрицкий. Вместе они прожили всего три года, а дальше по Булгакову – жильцы квартиры начали «пропадать». После смерти поэта спустя несколько лет исчезла его жена Лидия Густавовна, затем убежал на фронт Всеволод Багрицкий, в результате от семьи Багрицких осталась старая полусумасшедшая нянька тетя Маша. Сам Марк Колосов ушел на фронт. Но как-то летом, приехав в отпуск, он случайно встретил на улице Лидию Толстую и предложил ей записать свои фронтовые рассказы, назначив встречу у себя дома. Она согласилась.

Юрий Николаевич Либединский. 1942

Войти в дом можно было только через двор, квартира находилась на высоком шестом этаже. Лида поднялась по лестнице, стала звонить, потом колотить ногой в дверь, но никто не открывал. Наконец из глубины квартиры послышались тяжелые шаги, дверь отворилась, и перед ней появился неизвестный в военной гимнастерке. Позже она писала, что никогда не встречала такого красивого человека. Это был Юрий Либединский. Так они познакомились.

«Война, – вспоминал Либединский, – застала меня за работой. Большая книга, любимое заветное дело пяти последних лет, осталась незавершенной. Так иссякают колодцы: вода ушла, печально сухое дно родника. Все ушло туда, где стонала, пылала, обливалась кровью западная граница от моря до моря... Так я вступил в народное ополчение».

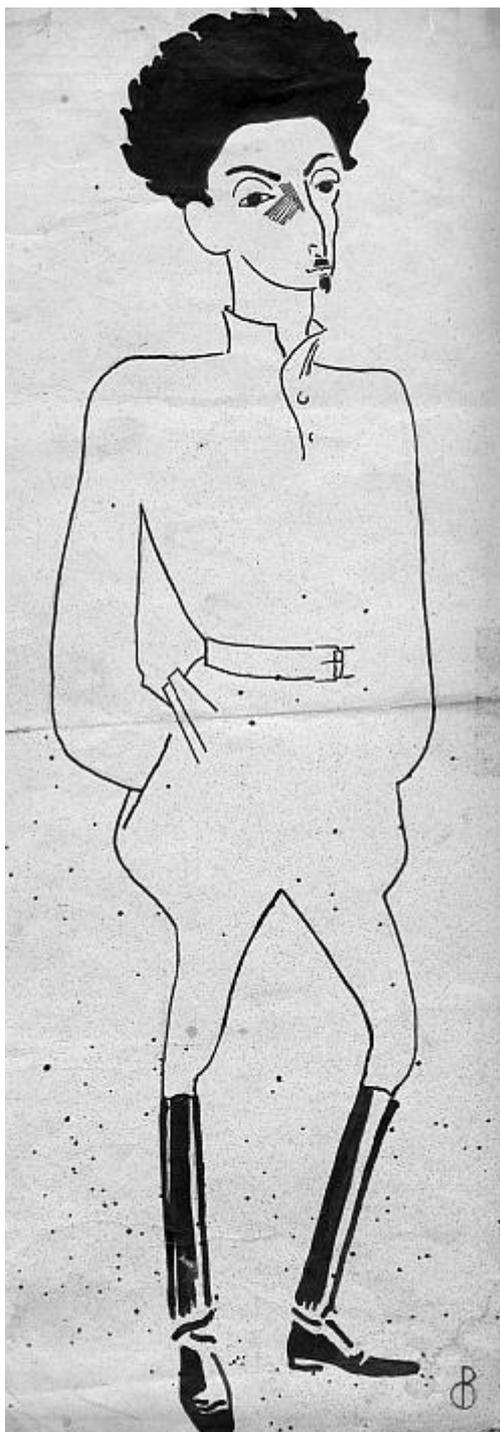
Они ушли из Москвы 11 июля. На фронт забрали тех, кого не взяли сразу – белобилетников, освобожденных от воинской повинности по возрасту или состоянию здоровья. Шел Даниил Данин, который ничего не видел без очков, маленький Фраерман, уже пожилой редактор «Огонька» Ефим Зозуля и многие другие – в толстых очках, туберкулезные, немолдые. Писатели составляли целое подразделение.

«Уходили – в прямом значении этого слова: в пешем строю, по Волоколамскому шоссе, на запад, – писал Борис Рунин. – <...> Нас было примерно девяносто человек – прозаиков, поэтов, драматургов, критиков, вступивших в ополчение через оборонную комиссию Союза писателей. В одном строю шагали и уже маститые, такие как Юрий Либединский, Степан Злобин, Бела Иллеш, Рувим Фраерман, Павел Бляхин, и мало кому известные в ту пору писатели, как Александр Бек или Эммануил Казакевич».

Часть роты погибла в окружении, часть с трудом вышла, прячась по болотам от немцев, выжившие вынуждены были объясняться со СМЕРШевцами, как им удалось спастись.

Так Либединский с тяжелой контузией летом 1942 года оказался в комнате на улице Горького у своего друга Марка Колосова.

Через неделю после знакомства с Лидой Юрию Николаевичу стало хуже, и были назначены дежурства по уходу за больным. Но так получилось, что девушка стала сама ухаживать за контуженым писателем. К моменту встречи ему было сорок четыре, ей двадцать один год, и у него было невероятно богатое прошлое.

Юрий Либединский. *Шарж О.Верейского*

В середине 1920-х он стал известным благодаря своей первой повести «Неделя». В 1923 году в газете «Правда» повесть высоко оценил Николай Бухарин, назвав ее «первой ласточкой», этот отзыв спустя годы аукнулся молодому писателю, которому в свое время напомнили о статье «врага народа». Повесть рассказывала о самой тяжелой неделе в жизни города (за которым угадывался Челябинск, где прошло его детство и юность) после Гражданской войны в марте 1921 года. Посвятил он ее Марианне Герасимовой, которую знал с юных лет, сделав ее прототипом главной героини Анюты Симковой. «Это произведение, Мураша, писалось для тебя и во имя тебя. И те, кто будут читать его, обязаны тебе его появлением», – признавался он в одном из писем к возлюбленной. Когда Либединский объяснялся ей в

любви, то бросил рукопись к ее ногам. Вместе они прожили недолго, но дружба между ними сохранилась навсегда. Сестра Марианны Валерия Герасимова в конце двадцатых годов была замужем за Александром Фадеевым. Обе сестры были дочерьми известного на Урале революционера Анатолия Герасимова. Вдохновленная идеалами революции Мураша Герасимова пошла работать в ОГПУ. В 1931 году ее назначили начальником отделения Секретно-политического отдела. Это отделение занималось изучением литературно-художественной среды. Начальником М.Герасимовой был Г.А.Молчанов, один из заместителей Ягоды, расстрелянный в 1937 году. И хотя Марианна была по болезни (энцефалит) в 1935 году уволена из органов, в 1939 году ее арестовали.

Военный билет Ю.Н.Либединского

Тогда Либединский решил обратиться к Сталину с просьбой об освобождении Мураши. Через Фадеева это письмо попало к секретарю Сталина – Поскребышеву. Вполне возможно, что до вождя оно так и не дошло. Во всяком случае, приговор никто отменять не стал. Отбыв пять лет в лагерях, Герасимова в 1944 году вернулась в Москву и 4 декабря покончила с собой.

Либединский вместе с Авербахом и Фадеевым был одним из руководителей РАППа. В конце 1928 года он был откомандирован в Ленинград, чтобы контролировать там местную писательскую организацию – ЛАПП. Хотя он и был правоверным писателем-коммунистом, но его тревожило, что в партийной верхушке началось разложение, и она стремительно превращалась в бюрократию. Об этом писатель попытался рассказать в романе «Рождение героя». Через некоторое время роман был подвергнут серьезной партийной критике. Это произведение было посвящено новой любви Юрия Либединского – начинающей актрисе Мусе Берггольц, с которой его познакомила сестра Ольга, состоявшая в ЛАППе. После разгрома РАППа Либединский долгое время не мог найти работу, а в 1937 году его исключили из партии «за связь с врагами народа». Его книги, изданные до 1937 года, были запрещены, изъяты из библиотек.

Юрий Либединский и Марианна Герасимова. Нач. 1920-х

Вскоре арестовали сестру Муси поэтессу Ольгу Берггольц. Она провела в заключении семь месяцев и потеряла в тюрьме ребенка.

К этому времени Либединский уже покинул ставший опасным для него Ленинград и переехал в Москву, стараясь жить как можно тише. Вскоре его восстановили в партии, не без помощи лучшего друга Александра Фадеева. А в 1939 году вышла его книга «Баташ и Батай», которая впоследствии стала частью книги «Горы и люди».

Тогда у Юрия Николаевича произошел тяжелый разрыв с Марией Берггольц, с которой он прожил почти десять лет. Оставив жене, сыну и теще квартиру на Сивцевом Вражке, он поселился в Доме творчества в Малеевке. Там он познакомился и ненадолго связал свою жизнь с писательницей Ольгой Неклюдовой.

Юрий Николаевич был человеком мягким и добрым, его способность жениться, чтобы не обижать женщин, у его друзей часто вызывала насмешки. Появление Лиды Толстой многие восприняли как очередное увлечение.

Казалось бы, все складывалось против этой любви. У Лидии после тяжелого ранения в Омском госпитале долечивался ее жених Иван Бруни, а Юрия Либединского ждала Ольга Неклюдова в Чистополе с маленьким сыном Сергеем.

«Получалось так, что наше счастье неизбежно должно было повлечь за собой несчастье других людей, людей, дорогих нам и любящих нас. В далекой ли неприютности эвакуации, в мерзлых ли фронтовых землянках, переноса лишения и невзгоды, они мечтали о семье, о возвращении домой, жили надеждой на встречу. Что делать? Расстаться? Будут ли счастливы те, ради кого мы лишим себя всего? Счастье и благополучие – как часто

мы путаем эти два понятия и приносим в жертву последнему короткие, но неповторимые минуты счастья!»

Муся Берггольц и Миша Либединский. Сер. 1930-х

Все получилось само собой. Сначала Либединский переехал к Лиде в Воротниковский переулок.

«Болезнь не отступала, он по-прежнему большую часть времени вынужден был лежать. Выходить один из дома не мог, с ним неожиданно начинались припадки, несколько раз он падал на улице и терял сознание. Да нам и не хотелось куда ходить. Юрий Николаевич возобновил работу над повестью “Гвардейцы”, вторая часть ее должна была появиться в первом номере журнала “Знамя” за 1943 год. Мы просыпались в шесть утра, и Юрий Николаевич диктовал мне, потом вставали мама и Машка, мы ели зеленую капусту или картошку “в мундирах”, и я бежала в Литературный институт. По дороге я относил машинистке то, что было отдиктовано утром. Юрий Николаевич оставался дома и лежа правил текст, полученный накануне с машинки. Правил карандашом, неразборчиво, потом я чернилами переносила правку на другой экземпляр, и мы снова отдавали в печать – так раз пять-шесть. Позже, когда у нас появилась своя машинка, я стала печатать сама. Как я торопилась домой из института! К моему приходу Юрий Николаевич растапливал железную печку; огонь весело гудел в трубе, наполняя комнату недолгим горячим теплом. Накинув шинель на плечи, он сидел на маленьком Машкином стуле, раскрасневшийся от огня, и розовые отсветы пламени бродили по его гимнастерке. Помешивая кочергой в печке, он рассказывал Машке, примостившейся возле него на скамеечке, о своем лесном уральском детстве, о необыкновенной гусенице, не пожелавшей вить коконы и превращаться в бабочку, о собаке Ральке, которую он, маленький восьмилетний мальчик, терпеливо лечил от загадочной собачьей болезни. Мы кипятили на печке чай, разогревали обед – суп из все той же зеленой капусты, картошку, сваренную жидко, чтобы не ощущался недостаток масла».

Лидия и Юрий Либединские. Пятигорск, 1947

И наконец в Москве ему выделяют небольшую комнату на Кутузовской. Квартира в Воротниковском была уже совсем непригодна для жилья.

«Через десять дней Юрию Николаевичу был вручен ордер на вселение в дом Московского военного округа, возле Киевского вокзала. Комендант, гремя связкой ключей, открыл нам большую солнечную комнату, где мы могли жить до возвращения эвакуированных жильцов...

Последний вечер, последняя ночь в Воротниковском. Вещи уложены. Да их почти нет. Ящик с рукописями и книгами, узел с одеждой и бельем, корзина с посудой. Из мебели мы возьмем только пружинный матрац, Машкину кроватку, письменный стол и бабушкино мягкое кресло. Все

остальные вещи за две суровых военных зимы пришли в такую ветхость, что их нельзя стронуть с места – развалятся...»

Вся прежняя жизнь Либединского была, несмотря на семью, безбытна. Муся Берггольц проводила жизнь на гастролях. Он часто спал по-холостяцки, укрывшись шинелью.

«Юрий Николаевич тянулся к домашнему уюту, как ребенок, радовался гречневой каше на завтрак, чай пил только хорошо заваренный. Наша любовь потому, наверное, длилась столько лет, что я надежно обеспечивала ему “тыл”. Ну а судьба свела нас во время, когда он выздоравливал после тяжелой контузии: я была его сиделкой, секретарем, возлюбленной», – так объясняла Лидия Борисовна их безоговорочный и счастливый союз.

Татьяна Владимировна Толстая очень хорошо приняла нового зятя и сразу с ним подружилась. Они были людьми одного поколения, общей культуры.

В начале 2000-х годов мы с Лидией Борисовной разговаривали достаточно откровенно о ее неожиданном выборе.

Н.Г.: А как все-таки объяснить, что вы, после того как были невестой Ивана Бруни, с его изысканной, культурной семьей, вдруг полюбили Либединского, разве тут не было определенного контраста?

Л.Б.: Юрий Николаевич был очень образованным, он находил общий язык с моей мамой, он был из интеллигентной семьи врачей, рос с гувернантками, с боннами.

Н.Г.: Вам было с ним интереснее?

Л.Б.: Ну конечно! Он великолепно знал русскую литературу. Я не говорю про Серебряный век, это было его главное увлечение.

Н.Г.: А как все это совмещалось в его голове? Он же был в РАППе!

Л.Б.: Но он же ни на кого не нападал. Он просто был за советскую власть, чтобы всем было хорошо. Например, он свою «Неделю» писал в противовес Пильняку, его «Голому году». Но у него самого, между прочим, было описано, как коммунисты расстреливают бело-гвардейцев, как они их раздевают перед расстрелом. Все это было потом выкинуто цензурой. Я уж не говорю про «Рождение героя», что с ним было сделано. Там было сказано, что партия больна, и надо понять, больна ли она сверху донизу, или просто верхушка партии зажралась. Когда режиссер Николай Машенко ставил в семидесятые годы фильм «Комиссары», там по сюжету вся партия возражает против НЭПа, многое и тогда не разрешали показывать...

Н.Г.: Как же вы можете не любить коммунистов?

Л.Б.: Если бы вы знали, сколько у нас из-за этого ссор было... Когда Сталина разоблачили...

Российская ассоциация пролетарских писателей. Во втором ряду – А.Селивановский, И.Макарьев, В.Ставский, Ю.Либединский, В.Киршон, Ф.Панферов, А.Фадеев. В верхнем ряду вторая справа – О.Берггольц. 1928

Н.Г.: Для Юрия Николаевич это было потрясение?

Л.Б.: Я ругалась, говорила, вы нас так воспитали, вы изуродовали наше поколение, смотри, что вы сделали с молодогвардейцами, у нас много было споров, но он не очень даже возражал. Так жизнь сложилась. Но Сталина он не любил, ни в единой книге Сталина не восхвалял. Сталин его тоже не любил, Либединский рассказывал, что когда в двадцатые на встрече собрали РАППовцев, Сталин с такой ненавистью на него смотрел, таким взглядом, какого ни у одного человека не видел, такого тяжелого, от которого жить не хочется.

А в пятидесятые Юрия Николаевича и Каверина – мы на одной площадке жили – ночью везли в «Правду» подписывать письмо о расстреле врачей, и они отказывались. Маргарита Алигер, кстати, не отказалась! Меня тогда Вовси лечил, я Ниночку рожала. Юрий Николаевич сказал: как я могу подписывать – он спас мою жену, она так тяжело болела, Каверин тоже что-то говорил. Чудом каким-то вывернулись. В час ночи возили. В 1952 году у нас в доме всех еврейских писателей арестовали. Семью Бергельсонов выслали, тогда уже семьями высылали. Перетца Маркиша, всех высылали. У Бергельсона девочка в дифтерите лежала, ее увезли. Бабушка, которая здесь оставалась, которую не высылали, валялась в ногах, чтобы девочку оставили, она во втором классе училась, нет, ее увезли в тюремную больницу и ждали, пока она поправится, чтобы отправить в Сибирь. Разве этого кошмара не было?!

«Трапезы на Кутузовской слободе»

Когда после смерти Лидии Борисовны мы с ее дочкой Лолой разбирали архив, нам попала на глаза бледно-голубая школьная тетрадь, на которой полустертым карандашом было написано «Трапезы на Кутузовской слободе. Рассказы и разговоры Ю.Н.Либединского». Оказалось, что эти записи делались рукой Татьяны Толстой в 1944–1945 годах. Юрий

Николаевич отлеживался после контузии, Лида Либединская бегала на учебу и на работу, а Татьяна Владимировна записывала разные забавные и не только истории из писательской жизни Либединского ленинградского периода. Новая семья временно поселилась на Кутузовском проспекте (слободе), в одной из пустующих квартир, и жила там, пока не вернулись из эвакуации хозяева.

* * *

(1936) Москва. После большого доклада, когда докладчик сказал, что мы вступаем на путь развернутого коммунизма, Чуковский сказал, прощаясь с Либединским и Б.Левиним¹¹:

– А я вот не доживу до развернутого коммунизма.

Причем в его голосе можно было уловить злорадство, несомненное, но неуловимое.

* * *

(1934) Кисловодск, лето.

Однажды шел со мной, Левиним и Герасимовой. Навстречу шли дети из детского сада попарно. Корн. Ив. нагнулся, присел, загородил им руками дорогу и сказал своим сладко-крокодильим голосом:

– Деточки, деточки, а кто ваш любимый писатель?

– Маршак! – вдруг хором ответили деточки.

Только полсекунды можно было наблюдать легкую тень растерянности на лице К.И. В том же тоне, почтительно и ласково, он сказал:

– Не надо, детки, читать Маршака. Читайте Чуковского. Вы читали Чуковского?

– Читали! – ответили ребята.

– Читайте Чуковского.

Над всем этим высилась, изображая одновременно вопросительный и восклицательный знак, бесцветная руководительница детей, обратившаяся в соляной столп.

---

¹¹ Замечательный писатель Борис Левин, погибший на финской войне, – автор нашумевшего в середине тридцатых годов романа «Юноша».

Борис Левин. Сер. 1930-х

* * *

Когда К.И. надо было пройти куда-либо без очереди или с передней площадки, он наспех навинчивает себе орден. Когда надобность прошла, он незаметно его свинчивает и кладет в карман, в точности воспроизводя жест крещеного еврея, который, когда его задержал в Москве полицейский, требуя документы о правожителстве в Москве, вынул из кармана крест¹²...

---

¹² Ровно такой же случай приводил в своих дневниках военного времени Корней Иванович. «Если бы не Николай Вирта, – писал он об эвакуации из Москвы, – я застрял бы в толпе и никуда не уехал бы. Недаром Вирта был смолоду репортером и разъездным администратором каких-то провинциальных театров. Напористость, находчивость, пронырливость доходят у него до гениальности. Надев орден, он прошел к начальнику вокзала и сказал, что сопровождает члена правительства, имя которого не имеет права назвать, и что он требует, чтобы нас пропустили правительственным ходом. Ничего этого я не знал (за “члена правительства” он выдал меня) и с изумлением увидел, как передо мной и моими носильщиками раскрываются все двери».

Корней Чуковский. Кон. 1950-х

* * *

Время действия 1938 или 1939 год. Шевченковский пленум¹³. Место действия – Шевченковский пароход, идущий из Киева в Канев. На палубе мимо кают, у которых окна открыты и опущены только жалюзи, не пропускающие света и пропускающие звук, идут четыре «умных» еврея: Гурвич¹⁴, Левидов¹⁵, Бялик¹⁶ и, кажется, Боровой¹⁷.

Левидов громко возмущается:

– Нет, выпустить такого пошляка на трибуну всесоюзного пленума! Ведь это сплошной поток пошлости.

– Но вы преувеличиваете! – оспаривает Гурвич. – Конечно, ничего нового он не сказал, он всегда был склонен к вульгаризации.

– О ком вы говорите? – спросил я.

– Ну, о ком, – раздраженно сказал Левидов, – конечно, о Чуковском.

И только что он произнес эту реплику, как жалюзи с грохотом падает и из окна каюты со зловеще-иронической улыбкой и скрещенными на груди руками обнаруживается Корней

¹³ В мае 1939 года в Киеве состоялся юбилейный Шевченковский пленум Союза писателей.

¹⁴ Абрам Соломонович Гурвич (1897–1962), литературовед, театральный критик. В 1949 вместе с группой литературных и театральных критиков был обвинен в космополитизме.

¹⁵ Михаил Юрьевич Левидов (1891–1942), критик, писатель, драматург. Был арестован, а затем расстрелян после выступления в Союзе писателей в первый день войны.

¹⁶ Борис Аронович Бялик (1911–1988), критик, литературовед.

¹⁷ Саул Яковлевич Боровой (1903–1989), советский историк. Занимался главным образом исследованием истории украинского и российского еврейства. В период кампании борьбы с космополитизмом потерял работу, подвергся гонениям.

Иванович. Немая сцена, продолжающаяся несколько томительных секунд. Пароход продолжает нас нести мимо днепровских берегов. Молчание, невыносимое для всех, кроме К.И., который явственно этим наслаждается, пытается нарушить Абраша Гурвич. Он пытается сделать вид, что ничего серьезного не произошло, и с прежней солидной интонацией, которая сейчас стала смешной, продолжает:

– Но при всей вульгарности его построений у него есть некоторая примесь таланта...

А.Н.Толстой. Сер. 1930-х

Смушение сдавливает его глотку, слова произносятся со скрипом, и он останавливается на полуслове. Тогда К.И., насладившийся всем происходящим, говорит любезно-иронически:

– Пожалуйста, пожалуйста, сам неоднократно бывал в таких положениях.

«Умные» евреи молча прошли мимо его окна. Валя Герасимова, стоявшая рядом со мной у перил и бывшая со мной свидетельницей этой сцены, спрашивает:

– Ну, Корней Иванович, зачем это вы показались? Ну прошли бы они мимо. Ну что вам?

– Я ужасно не люблю, когда обо мне за глаза говорят плохое. Предпочитаю, чтобы правду-матку, – он сказал это иронически. – Плохое обо мне – говорили при мне.

* * *

Однажды накануне какого-то парада я взял билеты на трибуну для ленинградских писателей. Я жил в центре на ул. Рубинштейна (б. Троицкая), и всем было удобно брать билеты у меня. Я их оставил в вестибюле, у нашего швейцара, очень толкового уже пожилого мужичка, которого мы все звали Лука, т.к. в своих интонациях он имел сходство с горьковским Лукой. А.Н.Толстой заехал за билетами и, подойдя, сказал Луке:

– Мне билеты оставлены?

– Пожалуйста! – сказал Лука, быстро оглядев его и роясь в конвертах. – Лев Николаевич будете?

– Почему Лев Николаевич? – опешил Толстой – Я Алексей Николаевич.

– Братец будете? – с успокоительной интонацией произнес Лука.

На это Алексей Николаевич ничего не ответил, взял билеты и ушел.

* * *

В.Ермилов¹⁸ пьяным пришел домой вместе с Павленко¹⁹ на Лаврушинский. Павленко пытался доставить его наверх по лестнице. Сели в лифт. По дороге лифт испортился. Ермилова оставили и вызвали жену его вести домой. Но жена не смогла его вытащить и оставила в лифте. После 12 везде погасили электричество, и часа в 4 ночи Ермилов очнулся, лампочка чуть-чуть освещала окружающее. Ермилов увидел сетку и почувствовал себя запертым в клетку. Испугавшись, начал выть звериным голосом. Все спали: пока сбежались, он чуть не сошел с ума.

Наконец пришла жена и увела его домой.

Петр Павленко. Сер. 1930-х

* * *

Бунин был, как большинство писателей, либерал, чуть ли не социалист, но он постоянно подчеркивал чистоту своей крови, происхождения, но делал это деликатно.

---

¹⁸ Владимир Владимирович Ермилов (1904–1965), литературовед, критик, бывший член правления РАППа.

¹⁹ Петр Андреевич Павленко (1899–1951), писатель, лауреат нескольких сталинских премий.

* * *

Свирский²⁰ рассказывал, как Бунин читал «Анну Каренину», перечеркивал, исправлял.

– Что Вы делаете?

– Сокращаю, слишком растянуто. Можно превратить в маленькую повесть.

* * *

Павленко говорит про художественное произведение: – Это говно, но это еще не то, что нам надо.

* * *

В 1924 году в период организации ЛЕФ, кажется, Шершеневич²¹ сказал Маяковскому в публичном месте, кажется, в консерватории или на премьере. Я был в публике.

– Поздравляю вас с законным бриком!

Слова эти облетели всю публику.

24/II. Вчера говорили о Брике и Маяковском, сегодня узнали о смерти А.Н.Толстого и О.М.Брика.

* * *

Был у меня приятель в 1937 году. Прислал он мне сценарий, плохой. Отрецензировал, отправил автору. Через несколько времени рукопись возвращается обратно с надписью, что адресат не разыскан. Внизу приписка чьей-то рукой «адресат сидить».

* * *

Был период, когда В.Герасимова была замужем за А.Фадеевым. Фадеев любил выпить. С этой точки зрения она не одобряла его времяпрепровождение с А.Н.Толстым.

– С А.Н. вместе вы представляете собой глубоко национальное явление: гуляка-барин и гуляка-мужик. Я представляю себе такую картину: на балкон выходит А.Н., заспанный в халате, а внизу у балкона стоишь ты, знаешь, бывают такие тощие парни в посконных брючонках, в каких-нибудь опорках, но с чрезвычайно лихим видом.

– Ну как, Санька? – спрашивает А.Н.

– А как ваша милость?

– Спасибо. Как ваша?

– Да уж все будет, как следует, А.Н.! – говоришь ты, заливаясь тонким жеребьячьим смехом. После этого вы пускаетесь на неделю в самые грязные похождения.

---

²⁰ Алексей Иванович Свирский (1865–1942), писатель, автор детской повести «Рыжик».

²¹ Вадим Габриэлевич Шершеневич (1893–1942), поэт-имажинист.

Александр Фадеев. Кон. 1930-х. Фото Е.Тихонова

* * *

На траурном митинге по А.М.Горькому бежим по лестнице Гладков²² и я. Надо было выступать по радио, торопились не опоздать.

На лестнице Гладков оборачивается, видит, что это я, узнает и с совершенно сияющим лицом говорит:

– А урночка-то маленькая какая получилась?
И он показал руками, какая урна.

* * *

Мы сидели с Ардовым²³ на каком-то заседании (кажется, в 1938 или 1939 году).

Соболев сидел в берете. Ардов сказал:

– Знаешь, на кого похож Л.С.²⁴? На повара.
Немного помолчав, добавил:

---

²² Федор Васильевич Гладков (1883–1958), советский писатель, классик социалистического реализма.

²³ Виктор Ефимович Ардов (1900–1976), писатель, автор юморесок.

²⁴ Лев Сергеевич Соболев (1898–1971), писатель, председатель правления Союза Писателей РФ.

– А Фадеев похож на шофера. (Фадеев председательствовал.)

Потом добавил:

– А в сущности, весь президиум можно рассматривать как дворню б. дома: Караваева²⁵ – кухарка, Герасимова – горничная, Федин²⁶ – камердинер.

В это время вошел А.Н.Толстой.

– Вот барин пришел, – сказал я.

– Нет, это не барин, а визитер, которого не пускают наверх, так как он под хмельком. Видишь, как камердинер его не допускает. (В это время А.Н. разговаривал с Фединым.)

Вся эта мгновенная импровизация характеризует юмористическое дарование В.Ардова.

* * *

Однажды я, Чумандрин²⁷ и двое молодых драматургов Штейн и Воеводин поехали к А.Н.Толстому в Детское Село (1933, зимою). У Толстого шла беседа о театре. А.Н. угощал нас обедом. За столом кроме нас присутствовала престарелая тетка Н.В.Крандиевской, позднее пришла дочь А.Н., Марианна. За этим обедом произошел один очень серьезный разговор, который рисует А.Н. с его истинной стороны.

Москва, улица Горького. 1936

Я тогда только что вернулся с Кубани, где собирал материал о работе МТС.

Когда А.Н. узнал об этом, он начал жадно расспрашивать подробности этого последнего и, может быть, наиболее драматического лета коллективизации. Я рассказывал. Присутствующий при этом разговоре Воеводин²⁸ сказал:

– А знаете, все-таки жалко этого уходящего в прошлое, такого поэтического крестьянского уклада.

А.Н. вдруг круто обернулся к нему и грозно спросил:

– То есть, позвольте, чего вам жалко?

²⁵ Анна Александровна Караваева (1893–1979), писательница.

²⁶ Константин Александрович Федин (1892–1977), писатель.

²⁷ Михаил Федорович Чумандрин (1905–1940), прозаик, один из организаторов РАППа.

²⁸ Всеволод Петрович Воеводин (1907–1973), поэт, драматург.

Чем сразу поставил Воеводина в тупик.

Мне показалось, что Воеводину не столько было жалко «уходящего уклада», сколько он решил «потрафить барину».

Грозная интонация вопроса, заданного А.Н.Толстым, вызвала у него замешательство. Он что-то пролепетал про сады, соловьев и т.п., кажется, упомянул Есенина.

По мере того как он говорил, А.Н. постепенно багровел и краснел от гнева.

– Слушайте, вы черт знает что говорите! Деревня совсем не то, что вы подразумеваете. Деревня – это дикость, невежество, грязь. Это вековые гири на ногах человечества. Если вы хотите знать, я потому и стал на сторону Коминтерна (он так и сказал), что понял ту силу, которая повернет историю человечества и покончит со всяческой отсталостью.

Особенно выразительно прозвучало в устах А.Н. слово «Коминтерн». Он говорил не о России только.

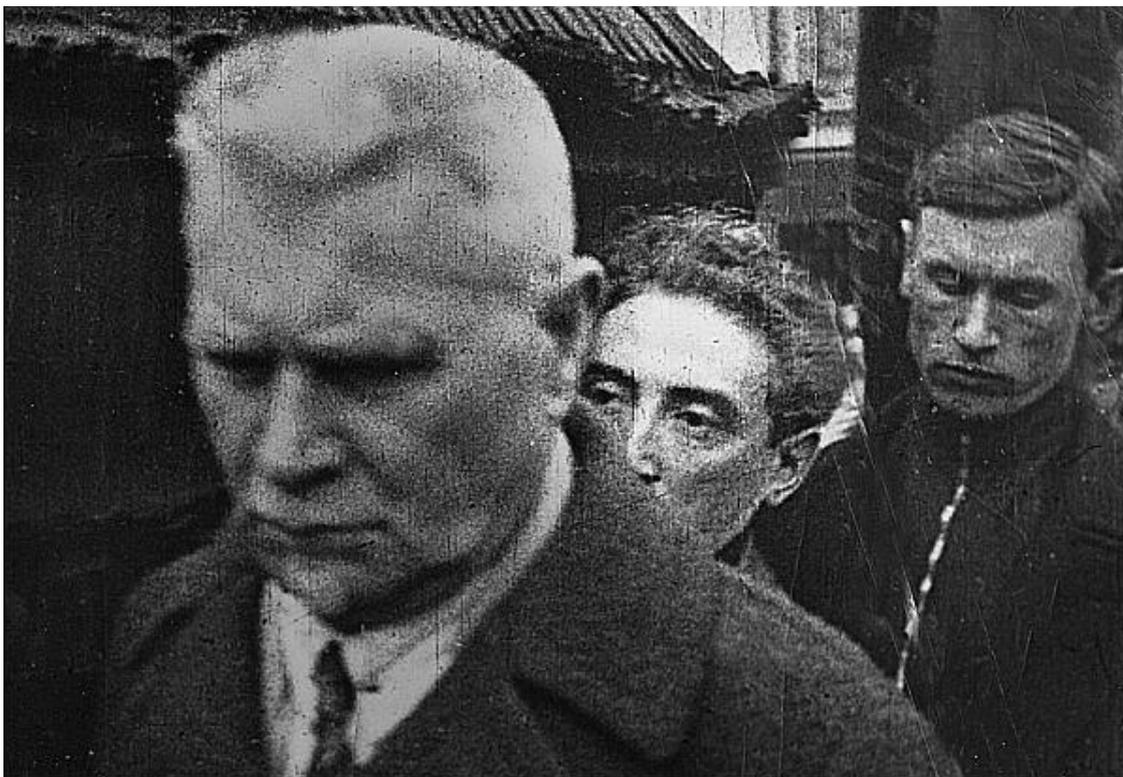
* * *

Шли на похороны Маяковского Ю.Н. (Юрий Николаевич. – *Н.Г.*), Фадеев, В.Герасимова, Муся (Берггольц. – *Н.Г.*). Я только что вернулся из Ленинграда. Я зашел, простился с телом Маяковского. Потом пошли по Поварской до Арбата. Машина с его телом быстро проехала.

Вале стало холодно, и она сказала:

– Чего мы потащимся? Пошли домой.

И мы вернулись.

Похороны Маяковского. Ю.Либединский и А.Фадеев (второй и третий слева) несут гроб поэта. Апрель 1930

* * *

В 1939 году был разговор с В.Звягинцевой²⁹ об А.Н.Толстом. Т. ездил в освобожденные области и вернулся с большими трофеями. Это вызвало большой шум в московском обществе.

В частности, один букинист при встрече меня спросил:

– Правда ли, что А.Н. привез из Львова фонтан?

– Думаю, что нет. Наверное, выдумка.

– А если выдумка, то тоже здорово, а?

В это время я встретился с В.Звягинцевой, которая тоже слыхала об этом и возмущалась:

– Какое безобразие! Как это наше правительство терпит такие барские штучки!

И т.д.

На это я ответил:

– В кратком курсе истории ВКП(б) написано, что тридцать тысяч помещиков владели Россией. Наша молодежь теперь не знает, что такое живой помещик, так А.Н. дает об этом понятие. Можно себе представить, что было в России, когда тридцать тысяч людей, подобных А.Н., ею управляли.

* * *

Однажды мы возвращались в одном вагоне из Москвы в Ленинград после какого-то пленума. Я стоял в коридоре и слышал разговор, который происходил между Т. и Михаилом Козаковым³⁰. А.Н.Толстой вернулся из-за границы, и Михаил Козаков интересовался его впечатлениями. В частности, его интересовали сведения о кризисе, происходящем в Европе.

– Я все-таки не понимаю, что это за кризис, как это можно себе представить наглядно?

А.Н. отвечал:

– Вот наглядно: стоят магазины, везде завалено товарами, никто не покупает.

– Почему никто не покупает? – недоумевает Козаков.

– Денег нет! – отвечает А.Н. – Просто ни у кого нет денег.

После этого он лег спать.

* * *

Было вскоре после ликвидации РАППа. Шли бурные дискуссии. Был затронут А.Н. Слегка, конечно... А.Н. очень возмутился. Он переселился из Детского Села в Ленинград, снял номер в гостинице и стал готовиться к выступлению на одном из писательских совещаний, которые в эти дни были. Выступил под хмельком, но великолепно.

Припоминают, что кричал:

– Меня хотят лишить огня и воды!

Стенич³¹, присутствующий при этом, молитвенно сложил руки и шептал: – Барошка, барин!

---

²⁹ Вера Клавдиевна Звягинцева (1894–1972), поэт-переводчик.

³⁰ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954), ленинградский писатель, отец актера Михаила Козакова.

³¹ Валентин Иосифович Стенич (1897–1938), поэт, переводчик; был репрессирован.

* * *

1934 год. Помню разговор о плагиате в Детском Селе, мы с ним гуляли вечером.

– Плагиат – это чепуха. Берите у меня все что угодно и дайте возможность брать у других все, что мне нужно. Литература без заимствования немыслима. Но берите так, чтобы на взятом лежал бы отпечаток вашей личности.

Он привел многочисленные примеры, главным образом говорил об Л.Н.Толстом, Sterne, Теккерее, Стендале. Я его не оспаривал, находя, что это так. Украсть неопубликованную рукопись – вот это действительно воровство.

А.Н.Толстой. Сер. 1930-х

* * *

В Детском Селе я жил в Доме отдыха и заходил к Ал.Ник., чтобы побеседовать.

Однажды я пришел, когда Наталья Васильевна собиралась в город. А.Н. встретил очень радушно:

– Ну вот и прекрасно! Наташа уедет, а мы с вами тут пообедаем.

Нат.Вас. напряженно на него посмотрела.

– Не думайте, что он действительно вам так рад.

Я чуть не сдурел.

– Он просто рассчитывает, что без меня, под предлогом угощения вас, напьется водки.

А.Н. смутился и не нашелся, что ответить, – на подобное радикальное «разоблачение» он не рассчитывал. Но когда Нат.Вас. уехала, он действительно напился. Во хмелю он был таким же прекрасным собеседником, как и трезвым, но разговор его становился вольным, он не подбирал выражений, и было чрезвычайно интересно его слушать.

* * *

А.Н. работал очень много. Когда я жил в Детском Селе, я бывал у него в самое различное время и всегда заставлял его за работой. Он бывал на втором этаже, в своем кабинете, просторной комнате, увешанной картинами и гравюрами, в большинстве старинными и имеющими отношение к Петру. Я заметил у него редчайший портрет Петра. Он неутомимо стучал на пишущей машинке, с одинаковой легкостью отрываясь от работы и возвращаясь к ней.

Он жил «в Петре» в этот период.

Обличая истинно гигантскую природу дарования, он отрывался от Петра для богатырского наезда за деньгами – в кино, в издательство и т.д.

* * *

Литературные дела свои А.Н. вел барским способом – чрезвычайно широко, не боясь влезть в долги и памятуя: в конечном итоге он себя оправдает.

А.Н. одновременно заключал шесть-семь договоров на написанные и ненаписанные вещи. Тут были романы, повести. Он срубал колоссальные авансы.

Всерьез он делал две вещи – Петра и «Хождение по мукам».

Остальное он писал левой ногой и две-три вещи с минимальной затратой сил – талант вывозил, вещи получались. К таким я отношу знаменитое «Черное золото». Другие же были написаны плохо, и приходилось или писать новые, или печатать, в зависимости от обстоятельств. Два-три договора он переуступал на полвинных началах каким-либо соавторам, которые работали, а он их поправлял. Иногда эта система переживала кризис, и А.Н. оказывался в критическом положении. Об этом знал весь Ленинград. При этом он жил чрезвычайно широко и не в чем себя не стеснял. «Система» себя оправдывала.

Большая семья

Война кончилась, и больше Лидия Борисовна никогда не расставалась с мужем.

Лидия и Юрий Либединские. Ялта, 1959

«Сразу после войны мы стали жить на Беговой в крошечной двухкомнатной квартире, – вспоминают дочери. – К тому времени нас уже было трое детей, папа, мама и бабушка. Потом мы переехали там же в трехкомнатную. Бабушка получила свою отдельную “комнатку” в доме, расположенном через двор от нашего, но жила фактически с нами. Еще у нас жила няня Настя с семилетней дочкой Галей. Они были откуда-то из глухой деревни, как и многие, заброшенные войной в Москву. Она сочиняла всякие прибаутки. Кажется, она потом ушла работать к кому-то еще там же на Беговой (это я узнала из переписки родителей с бабушкой). Еще до рождения нашего брата Сашки в августе 1948 года у нас в доме появилась Нина – жилистая, некрасивая женщина, еще совсем не старая, она была доброй, но, кажется, была единственной в семье, которая на нас громко и часто кричала, но мы ее совсем не боялись. Папа и бабушка, кажется, никогда не повышали на нас голос, а мама затянувшиеся капризы изредка пресекала решительными мерами – совала наши головы под кран с холодной водой. После этого затихал не только сам подвергшийся экзекуции, но и весь дом надолго погружался в тишину».

Отлучалась Лидия Борисовна из дома и расставалась с мужем только тогда, когда появлялся новый член семьи. У Лидии Борисовны с Юрием Николаевичем помимо стар-

шей дочери Маши³² родилось еще четверо детей: Татьяна (Тата³³), названная в честь обеих бабушек, Лидия (Лола³⁴), названная Юрием Николаевичем в честь любимой жены, Саша³⁵, названный в честь ближайшего друга Либединского, Александра Фадеева, и Нина³⁶ – в честь прабабушки Нины Алексеевны, матери Татьяны Вечорки.

О времени, когда Лидия Борисовна пребывала в роддоме, был написан маленький рассказ Юрия Николаевича.

Прогулка

Август в этом году был сухой, солнечный, а нам пришлось жить в городе. Мы отвезли Лиду в родильный дом, и жить нам стало без нее скучно.

В один из тихих солнечных дней пошли мы в зоопарк. Я вел за руку маленькую четырехлетнюю Лидочку (дома ее звали Лола), а впереди восьмилетняя Маша вела пятилетнюю Тату. У нас так водилось издавна: старшие девочки, взявшись за руки, шли впереди, Тата, не очень-то ловко ворочая языком, спрашивала, а Маша тут же отвечала. Иной порядок был просто немыслим: если бы рядом с Татой не было Маши, старшие не могли бы ни о чем говорить, а только отвечали бы на Татины вопросы:

- Откуда в кишке, которой поливают улицу, берется вода?
- Почему дяденька идет и шатается, когда нет ветра?
- Почему велосипед на двух колесах и не падает?
- Почему мороженое холодное, а на палочке дымится?

На все вопросы Маша отвечала почти не задумываясь, складно и звонко, иногда только взглядывая на меня за подтверждением. Так было и в зоологическом саду, когда Тата около обширного вольера, в котором жили медвежата, спросила, что они делают.

– Танцуют! – без промедления ответила Маша. – Их обучили танцевать, видишь, они танцуют!

И тут же на всякий случай взглянула на меня. Похоже, что медвежата и правда танцевали, обняв друг друга. Один белый и гладкий, поменьше, тянул в воду, а другой, бурый, лохматый, старался вытянуть своего собрата из воды. И ему это удалось бы, если бы вдруг белый не навалился всей тяжестью на бурого, маленькие, наось поставленные лапы которого заскользили, и он плюхнулся в воду. И тут же белый стал его топить, а бурый, пуская пузыри и разметывая брызги, – отбиваться...

– А зачем он так делает? – спросила Тата.

– Он его утопит, утопит! – запричитала чувствительная Лидочка.

Но бурый не утонул, через минуту он уже сидел на цементированном берегу и отряхивался, урча и повизгивая.

По соседству с медведями находился бассейн, в котором жили морские львы – блестящие, скользкие ловкие звери. У них в бассейне плавал мяч, и они острой своей мордой выбрасывали его наверх – один выбрасывал, взметнув лапами, и, чуть не вставая на хвост, ловил мяч на кончик носа,

---

³² Мария Юрьевна Говорова (р. 1939), вдова поэта А.А. Говорова.

³³ Татьяна Юрьевна Губерман (р. 1943), филолог; жена поэта Игоря Губермана. С марта 1988 года с мужем и детьми живет в Израиле. Далее – Тата Либединская.

³⁴ Лидия Юрьевна Либединская (р. 1944), редактор; жена физика А.Г. Лескисса. Далее – Лола Либединская.

³⁵ Александр Юрьевич Либединский (1948–1990), инженер-математик; муж актрисы Н.Д. Журавлевой.

³⁶ Нина Юрьевна Патлас (р. 1952), лингвист; жена Рава Цви (Григория Патласа). С октября 1979 года живет с семьей в Израиле.

и мяч снова летел вверх. Публика, стоявшая вокруг бассейна, одобряла каждую удачу.

– Аут! – кричали мальчишки, и морские львы всем своим блестящим телом выскакивали из воды; им нравилось, что их хвалят.

Мы уже хотели уйти от морских львов. Но один из мальчиков сказал Маше, что сейчас их будут кормить. Мы задержались, и, правда, откуда-то из глубины вольера пришел человек в нахлобученной на брови кепке, с двумя ведрами в руках и, даже не глядя на то, что проделывают морские львы, выплеснул из ведра в бассейн живую рыбу...

Игра была заброшена, в ловле рыбы морские львы показывали куда больше проворства, чем в игре мячом: они настигали добычу под водой и в воздухе, когда рыба выплескивалась наружу.

Но один из четырех зверей, находившийся в дальнем конце бассейна, обрадовавшись тому, что мяч оказался в полном его распоряжении, продолжал ловить и подбрасывать его – и прозевал обед. Когда же он спохватился, почти вся рыба была уже изловлена и съедена его сотоварищами. Он вылез из бассейна и, ковыляя на своих лапах и хвосте, кинулся догонять служителя, неторопливо уходившего с ведрами в руках. Он забегал перед ним, блестящий и гладкий, как огромная пиявка, он подпрыгивал, махал лапами и даже издавал какие-то слабые повизгивающие звуки. Он настолько выразительно объяснял, что остался без обеда, что Лидочка крикнула:

– Ему не досталось!

– Да, да, ему не досталось! – закричали из толпы.

Но служитель отмахнулся от вертевшегося перед ним акробата.

– А, поди ты!.. – сказал он и ушел.

Это была грустная история. И хотя я пробовал доказать детям, что зазевавшийся морской лев сам виноват: когда зовут завтракать, нельзя заниматься игрой, – сочувствие девочек было на стороне пострадавшего.

Так мы шли неторопливо вдоль вольеров и клеток, и если не считать вопроса Таты относительно удава: «А из него тоже вода льется?» (она спутала удава с кишкой для поливки улиц), то до клетки со страусами никаких происшествий с нами не случилось.

Но тут Тата спросила, кто это такие, Маша ответила, что это такие особенные гуси, и Тата вполне резонно возразила, что у гусей таких ног не бывает. Между девочками разгорелся спор.

А мне ответ Маши напомнил странную и старую историю, случившуюся во времена гражданской войны в знаменитом ныне заповеднике Аскания-Нова. Там тоже развели между прочим и африканских страусов. На Асканию-Нову напали белобандиты, они стали стрелять зубров, антилоп и овцебыков, наделали много переполоху. В это время страусиха высидела несколько страусят, и один из них, наверное, самый трусливый и нервный, кинулся бежать. Страус умеет бегать со скоростью курьерского поезда, и, когда, пробежав более ста километров, страусенок приостановился, он оказался уже в окрестностях украинского села Чаплыньки, где о страусах никогда не слыхали. Появление столь страшной птицы с конскими ногами и гусиной шеей было воспринято местными жителями как предвестие конца света и страшного суда.

Страусенок с унылым курлыканьем ходил по пустому селу, и неизвестно, сколько бы времени он так ходил, если бы какая-то собачонка не выскочила на улицу и с отчаянным лаем не кинулась на страусенка. И он снова ринулся бежать и благополучно прибежал домой к себе в Асканию-Нову...

– Ой, Лолка упала к страусам! – вдруг отчаянно крикнула Тата.

Я оглянулся. Лидочка была уже по ту сторону сетки; страусы стояли кругом и шипели. Я кинулся к сетке и выхватил Лидочку. Все это произошло так быстро, что девочка подняла крик уже после того, как я ее вытащил.

– Как ты там оказалась?

Пока я рассказывал старшим девочкам историю про страусенка, Лидочке захотелось поближе рассмотреть страусов. Она со скамейки, где мы сидели, перелезла на урну для окурков, перешагнула через сетку и кувыркнулась к страусам.

– Они шипели, как ситро! – кричала Лола

– А почему они ее не защипали? – спросила Тата.

– Потому что у них шеи длинные, и мысли по ним идут медленно, – ответила Маша.

До слонов мы добрались изрядно усталые, но уйти, не посмотрев на слона, мы не могли.

Слона мы увидели только одного. Он топтался возле дверей огромного сарая. А где слониха? Нам сказали, что слониха рождает в сарае, а слона туда не пускают.

Но слон не хотел с этим мириться. Он не пытался сломать окованные железом двери и не кидался на них – нет, он концом своего хобота, словно трехпалой рукой, осторожно ощупывал ту тоненькую щель, которую образовывали створки плотно закрытых дверей, как будто понимал, что здесь находится секрет человеческой мудрости.

И с каким сочувствием я следил за его осторожными движениями, как понимал я его! Все эти дни я также ходил возле запертых дверей родильного дома. Но я хоть мог получить записку и получить ответ. А слон?

Помучившись минут десять у двери, слон отошел к маленькому пруду, погрузил туда хобот, набрал воды и, подняв его над головой, окатил водой свой выпуклый лоб мыслителя и работника.

А через несколько дней впервые в Москве в Зоопарке родился слоненок Москвич. А у нас дома появился мальчик Саша.

1958

Елка на Беговой. 1947.

Слева направо: первый ряд – Аня Левина (Герасимова), Сережа Неклюдов (Либединский), Лола Либединская, Вова Караваяев; второй ряд – Наташа Яшина, Алена Рогова, Злата Яшина, Тата Либединская; третий ряд – Ира Шторм, Соня Ефимова, Наташа Суходрев, Маша Либединская, Наташа Чистякова, Юра Ефимов; стоит сзади – Геля Елькин (племянник Ю.Либединского)

Лола, Маша, Тага Либединские и Сережа Неклюдов. Елка на Беговой. 1947

Либединские с Машей и Татой. 1944. Фото М.С.Наппельбаума

Лола Либединская с подругой Ирой на фоне карты мира в «костюмах» индианок. 1953

Лидия Борисовна ездила с Юрием Николаевичем в санатории и Дома творчества; ему нужен был покой для работы, и, кроме того, после войны он нуждался в постоянном укреплении здоровья.

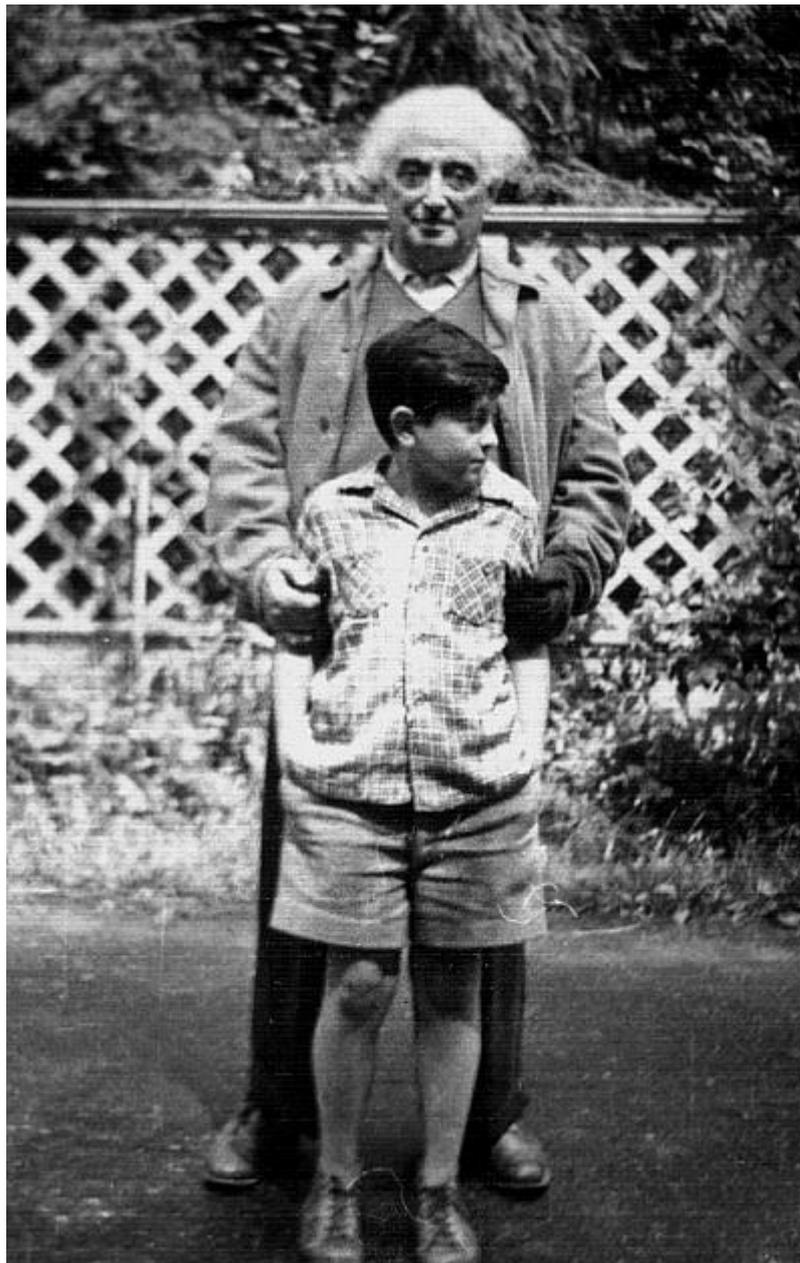
«Родители часто уезжали, – вспоминает Тата, – но их незримое участие всегда чувствовалось в нашей жизни, и тоже благодаря бабушке. Они писали часто, иногда каждый день, все письма читались нам вслух и обсуждались. Иногда родители посылали нам забавные открытки и рисунки, и бабушка под нашу диктовку писала им ответы. Сама она им писала тоже чуть ли не каждый день, описывая и нашу детскую нехитрую жизнь. Каждое их возвращение домой превращалось в праздник. Иногда нас брали на вокзал встречать и провожать родителей.

Так мы и жили, пока не наступил страшный ноябрь 1959 года. 19 ноября у папы случился инсульт, и, несмотря на все старания врачей, семьи, друзей, он, практически не приходя в сознание, умер 24-го числа; через две недели ему бы исполнился шестьдесят один год. И жизнь наша не просто перевернулась – она стала чужой и незнакомой.

Ю.Н.Либединский, А.А.Жаров, Л.Б.Либединская с Ниной, В.А.Герасимова. Передел-
кино, 1954

Только раз в жизни мама впала в беспредельное отчаяние – после папиной смерти. Когда папа умер, мне было шестнадцать лет. Помню ночь в ЦДЛ, после гражданской панихиды, похороны должны состояться на следующий день. Мама наотрез отказалась оставить папу. Бабушка не могла с ней остаться, должна была ехать с малышами. Осталась я с мамой. Если бы кто-нибудь научил нас молиться, наверное, нам было бы легче. Несколько месяцев подряд я ночевала с мамой на раскладушке в родительской спальне, мама не спала по ночам почти год. Мама закончила папину повесть “Воспитание души”, начала писать “Зеленую лампу”. Бабушка взяла полностью на себя хозяйство. Жизнь продолжилась уже совсем по-другому, но продолжилась.

Юрий Либединский с сыном Сашей. Переделкино, 1958

Сейчас оглядываюсь назад, и мне кажется, что единственный человек, которого мама по-настоящему любила, – это наш папа. Ко всему, что хоть как-то имело отношение к папиной жизни, к папе, она относилась трепетно. Даже к папиным детям от других женщин.

Кроме нас, у папы было еще трое детей – Миша³⁷, Наташа³⁸ и Сережа³⁹. Сережина мама, к сожалению, не позволила ему общаться с нашими родителями, так что и мы лишились этого брата. Незадолго до маминой

---

³⁷ Михаил Юрьевич Либединский (1931–2006), сын Либединского и Марии Берггольц. Экономист. Автор работы «От пращуров моих...».

³⁸ Наталья Львовна Крылова (р. 1930), дочь Ю.Н.Либединского. Логопед. Автор букварей и дидактических пособий. С 1992 года живет в Израиле.

³⁹ Сергей Юрьевич Неклюдов (р. 1941), сын Ю.Н.Либединского и О.С.Неклюдовой. Профессор РГГУ.

смерти умер папин старший сын Миша, и мама мне говорит: “Ты скажи Наташе, чтобы она простила Мишку, чтобы ему на том свете легче было!” Наташа, наша сестра, живет в Израиле, а на Мишку она обиделась за его воспоминания».

Лидия Борисовна и Юрий Николаевич успели прожить не очень длинную, но очень счастливую жизнь. У них родилось четверо детей. Старшую дочь Лидии Борисовны, Машу, Либединский удочерил и всегда считал своей родной. Юрий Николаевич скончался от инсульта 24 ноября 1959 года.

После его смерти Лидия Борисовна написала:

Я не знаю, где ты, что с тобою,
Ночь ли там иль сияние дня?
Ты за что не взял меня с собою?
Если можешь, позови меня!

Не вернешь воды на дно колодца,
Не срастется порванная нить.
Все забрали. Только остается
Страшная обязанность – дожить.

«Вот и все. Нет, не все. Остались неоконченные книги. Остались дети. Над книгами надо было работать. Детей надо было растить. Надо было жить. И я жила. Я плохо помню эту зиму. Помню только, что старалась до предела заполнить сутки поездками, делами, встречами. Старалась жить бегом, чтобы не дай бог не остановиться, не оглянуться. А когда остановилась и оглянулась, была весна. Ярко светило солнце, вдоль тротуаров бежали звонкие струйки воды. По утрам в скверах громко кричали птицы, а на закате долго и розово отсвечивали окна домов, обращенных на запад.

Лидия Либединская на могиле мужа на Новодевичьем кладбище. Ноябрь 1960

Был шестой час весеннего дня, когда я вышла из издательства. Золотилось небо. Лужи по краям прихватило легким вечерним морозцем, и в воздухе, нагретом за день, чувствовалась весенняя пронзительность – по вечерам еще побеждал холод. Я шла, спокойно думая о том, что сейчас дойду пешком до Садового кольца, сяду в троллейбус и поеду домой. Я все так и сделала. Опустила две двадцатикопеечные монеты, оторвала билет, спросила пассажиров, сходят ли они на нужной мне остановке. А потом снова медленно шла по сухому тротуару, слушая, как с шуршанием проезжают автомобили и хрустят под ногами песок и колкие льдинки. О чем я думала? Не знаю. Самое главное в те дни было ни о чем не думать. Иногда мне это удавалось. Кажется, удалось и тогда.

Я вошла в ворота, старенькие, покосившиеся. Пустой дворик, знакомые выщерблинки на асфальте, криво начерченные мелом “классы”. Поднялась по шатким, щелястым ступеням, на обитой фанерой двери нащарила рукой знакомую кнопку звонка. В тот год я ничему не удивлялась. А удивляться было чему. Ведь я шла домой. Впрочем, я и пришла домой...

Милый, старый, желтый, как прошлогодний лист, дом в Воротниковском переулке. Откуда-то из глубины сознания он позвал меня.

Я села на крыльцо и долго сидела, пока мне не стало очень холодно. Я ни о чем не думала в тот вечер, ни о чем не вспоминала. А когда поднялась, небо было ярко-синее, и на западе блестели две холодные белые звезды, одна побольше, другая поменьше. В чьем-то чужом окне загорелась зеленая лампа.

Может быть именно в тот вечер мне и пришла в голову мысль написать эту книгу?..

Конец.

Март, 1964 год».

С этого времени и началась «Зеленая лампа».

Закатная любовь Михаила Светлова

Светлов встал, протягивая мне руку:

– Подождите. Я вам кое-что скажу. Я, может быть, плохой поэт, но я никогда ни на кого не донес, ни на кого ничего не написал. Я подумал, что для тех лет это немалая заслуга – потрудней, пожалуй, чем написать «Гренаду».

Из воспоминаний В.Шаламова

Михаил Светлов вытеснил из памяти современников свое комсомольское романтическое прошлое, оставшись автором ярких шуток и афоризмов, притч, каламбуров, передаваемых по сей день из уст в уста. Под конец жизни миру явился ироничный мудрец, с печальной усмешкой оглядывающийся на свое и общее наше прошлое. Правда, за его плечами была «Гренада», которой завидовал Маяковский, «Каховка», которая стала символом советской власти с ее вечным бронепоездом, стоящим на запасном пути.

Ольга Берггольц вспоминала, как в конце 1920-х годов в поэтической группе «Смена» «нередко бывал молодой Светлов, черноволосый, с неистово синими глазами, в длиннейшем полушубке со множеством сборок на талии, похожем на бабью юбку или ямщицкий кафтан. Вот в этом полушубке (на верхотуре нашей было холодно) он и прочел нам однажды недавно написанную им “Гренаду”. Он был несколько старше нас, он, счастливец, успел повоевать на Гражданской... Несколько дней мы ходили как замороженные, вслух и про себя повторяли: “Гренада, Гренада, Гренада моя...”».

Марина Цветаева писала Борису Пастернаку в 1926 году:

«Передай Светлову (“Молодая Гвардия”), что его “Гренада” – мой любимый – чуть не сказала: мой лучший – стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори – пусть Есенину мирно спится».

Все эти стихи и многие были достойны самых лучших антологий, а сам поэт-романтик мог бы так и остаться в том времени, когда победа коммунизма казалась такой заманчиво близкой, если бы у этого сильно пьющего человека не было поразительно трезвого взгляда на мир. Возможно, он появился, когда в 1930-е годы его и его товарищей стали приглашать к себе на беседы следователи НКВД, чтобы сделать из них осведомителей. Известно, что комсомольский поэт Николай Дементьев повесился именно под давлением этих чудовищных обстоятельств, Лидия Борисовна говорила, что именно Михаил Светлов вынимал друга из петли в общежитии на Покровке, где они тогда жили в одной комнате.

Михаил Светлов (в заднем ряду второй справа) с комсомольскими поэтами. Сер. 1920-х

В поэтической романтике тридцатых боролись две тенденции, которые ярче всего проявились в стихах Багрицкого: собственная смерть как залог возрождения к будущей жизни, что, по сути, было доведением до конца блоковского пафоса всеобщей гибели в пожаре революции, и соучастие в насилии, в убийствах и создание на этой крови нового мира. «Чтобы юность новая на крови взошла». Деление художников на палачей и жертв из литературной метафоры превращалось в тридцатые в уродливую, привычную реальность.

Светлов в ироническом стихотворении «Песня» взглянул на тему насилия парадоксальным образом. Он обыгрывает ту легкость, с которой произносятся самые жестокие и противоестественные слова. Стихотворение «Песня» – о матери. Лирический герой объясняет своим читателям, что надо делать, если она не пускает бойца на фронт:

В такие дни таков закон:
Со мной, товарищ, рядом
Родную мать встречай штыком,
Глуши ее прикладом.
Нам баловаться сотни лет
Любовью надоело.
Пусть штык проложит новый след
Сквозь маленькое тело.

Но это начало стихотворения. Дальше поэт объясняет, что на самом-то деле он любит мать и готов носить ее на руках:

И ты не бойся страшных слов:
Сквозь дым и пламя песни
Я пронести тебя готов
На пальцах в этом кресле.
И то, что в час вечеровой
В кошмаре мне явилось,

Я написал лишь для того,
Чтоб песня получилась.

Во второй половине тридцатых годов поэт не избежал шельмования и обвинения в «троцкизме».

И не только. Теперь опубликована справка НКВД о поэте М.Светлове «не позднее 13 сентября 1938», в которой утверждается:

«Светлов в 1927 году входил в троцкистскую группу М.Голодного–Уткина–Меклера, вместе с которыми выпустил нелегальную троцкистскую газету “Коммунист”, приуроченную к 7 ноября 1927 года... Семьям арестованных оказывал материальную поддержку... В литературной среде Светлов систематически ведет антисоветскую агитацию...

В 1934 году по поводу Съезда советских писателей Светлов говорил: “Чепуха, ерунда. Созовут со всех концов Союза сотню-другую идиотов и начнут тягучую бузу. Им будут говорить рыбы слова, а они будут хлопать. Ничего свежего от будущего союза, кроме пошлой официальнойщины, ждать нечего”.

В декабре 1936 года Светлов распространил антисоветское четверостишие по поводу приезда в СССР писателя Леона Фейхтвангера».

Тут хотелось бы прервать интереснейшую цитату из доноса, чтобы напомнить читателю эпиграмму Светлова, авторство которой до последнего времени было не установлено.

Стоит Фейхтвангер у стены
с весьма неясным видом;
как бы и сей еврей
не оказался Жидом!

Продолжим цитату:

«По поводу репрессий в отношении врагов народа Светлов говорил: “Что творится? Ведь всех берут, буквально всех. Делается что-то страшное. Аресты приняли гиперболические размеры. Наркомы, заместители наркомов переселились на Лубянку. Но что смешно и трагично – это то, что мы ходим среди этих событий, ровно ничего не понимая. Зачем это, к чему? Чего они так испугались? Ведь никто не может ответить на этот вопрос. Я только понимаю, что произошла смена эпохи, что мы уже живем в новой эпохе, что мы лишь жалкие остатки той умершей эпохи, что прежней партии уже нет, есть новая партия с новыми людьми. Нас сменили. Но что это за новая эпоха, для чего нас сменили, и кто те, что нам на смену пришли, я, ей-ей, не знаю и не понимаю”».

Но репрессивная машина почему-то не тронула бывших комсомольских поэтов: ни Светлова, ни Голодного, ни Уткина (правда, после гибели последнего на войне была арестована его сестра), ни Безыменского. Может быть, потому что агентурные разработки поэтов попали в НКВД и на стол к вождю в зыбкий период между концом 1937 года и серединой 1938-го, когда звезда Ежова закатывалась, начиналось время Берии.

Но в партийных записках все это время о Светлове не забывали:

«3 мая 1937. Кое-кто из писателей вообще бросил писать и замкнулся в свою скорлупу (Асеев, Светлов). Отсутствие воспитательной работы среди

писателей, неумение направить их по нужному пути приводит некоторых из них к пессимизму, к неверию в свои силы, а иногда даже к внутренней озлобленности».

Михаил Светлов. *Шарж И.Игина*

В стенограмме от 4–5 мая 1937 года на заседании бюро поэтической секции Ставский восклицает: «И Уткина, и Светлова, и Суркова – всех надо критиковать, а у нас были такие товарищи, до которых мы боялись дотронуться. Тов. Сталин говорит, что сберечь людей – это значит их резко критиковать и вскрывать все их ошибки».

Наивная Маргарита Алигер в дневнике за 1939 год пишет: «9 января. Потом был клубный день. Читал Светлов. Мне его очень жалко. Вот ведь пишут на билетах: “Михаил Светлов. Новые стихи. Отрывки из песен и «Сказка»”. А когда доходит до дела, то выясняется, что никаких новых стихов нет. Те, что называются новыми, написаны три-четыре года тому назад. И дуэт он эти песенки из пьесы, “Изюм”, как он сам говорит. Очень мило, остроумно, талантливо, но все-таки не то. Не ладится что-то у этого поэта».

Что можно было писать под таким прессом?

Михаил Светлов. 1954. *Фото А.Лесса*

В сентябре 1961 года Лидия Борисовна рассталась с художником-карикатуристом И.И-гиным, с которым всерьез хотела построить новую семью. Но богемная жизнь художника и невозможность найти замену ушедшему из жизни Юрию Либединскому не дали возникнуть этой семье. Игин в это время очень дружил со Светловым, они вместе делали книжку, и снова их встреча произошла спустя двадцать лет.

Лиде Либединской
Живого или мертвого,
Люби меня двадцать четвертого
Двадцать третьего, двадцать пятого,
Виноватого и невиноватого.
Как листву свою любят деревья,

И как хаты любят деревни,
Как природа любит живая,
Ты люби меня, не уставая.

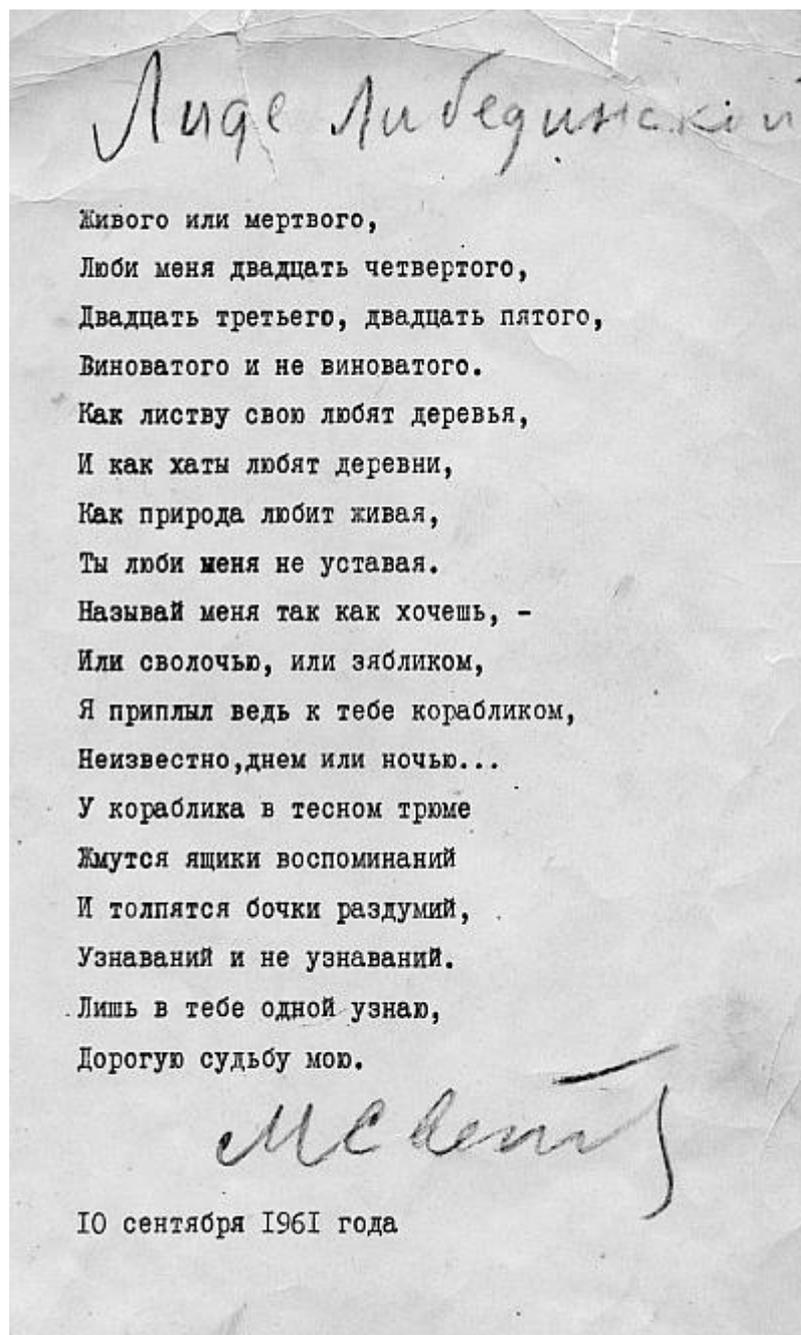
Называй меня так, как хочешь, –
Или сволочью, или зябликом,
Я приплыл ведь к тебе корабликом,
Неизвестно, днем или ночью...
У кораблика в тесном трюме
Жмутся ящики воспоминаний
И толпятся бочки раздумий,
Узнаваний и неузнаваний.
Лишь в тебе одной узнаю
Дорогую судьбу мою.

М.Светлов

10 сентября 1961

О его возвращении она написала в дневнике:

«И снова Миша, милый, верный друг всей жизни, самый мой любимый из людей, оставшихся на земле. Какое счастье пронести такую любовь друг к другу через двадцать лет! Он сказал: “Я тебе не муж, не друг, не любовник, а гораздо больше – я часть твоей биографии”. Это абсолютно точно. Каждая встреча с ним – праздник, потому что мы так легко разговариваем, все понятно. Но, Господи, как он несчастлив, и помочь ему нельзя. Ему нужно одиночество, но он очень страдает от одиночества, но он тоже страдает от отсутствия тепла душевного, он стар, болен и одинок».

Из дневника Либединской от 16 декабря 1961 года:
Автограф М.С.Светлова

«Вчера весь вечер рядом Миша, родной, большой, единственный такой на свете. “Где ты будешь встречать Новый год?” – “Наверно, в Клубе с Родам⁴⁰, но это будет в последний раз”.

Это не будет в последний раз, да ему и нельзя сейчас резко менять жизнь. Терпеть все, что терпит Родам, никто не сможет, и быть ему одному нельзя, очень уж он незащищенный, да и больной и старый, и все-таки никого на свете лучше его нету. Как я радуюсь, когда он

⁴⁰ Родам Ираклиевна Амирэджиби (1918–1994), сестра грузинского поэта Чубуа Амирэджиби, жена М.Светлова, впоследствии – жена физика Б.М.Понтекорво.

мне говорит: «Может быть, ты – это самое чистое и лучшее, что у меня было в жизни». А у меня самым лучшим был Ю.Н., а потом Миша...»

Матбюме
Владимировне
Гению
От таланта
13/II/63г

Надпись на этой фотографии: «Гатьяне Владимировне. Гению от таланта. 13 февраля 1963»

Страничка из архива Л.Либединской:

Лидочка!

Выйди замуж за старика,
Час последний – он недалек.
Жизни взбалмошная река
Превращается в ручеек.

Даже рифмы выдумывать лень;
Вместо страсти и ожиданий
Разукрашен завтрашний день
Светляками воспоминаний.

Выйди замуж за старика!
За меня! Вот какой урод!
Не везде река глубока –
Перейди меня тихо вброд.

Там, на маленьком берегу,
Где закат над плакучей ивой,
Я остатки снов берегу,
Чтобы сделать тебя счастливой.

Так и не было, хоть убей,
Хоть с ума сойди от бессилья,

Ни воркующих голубей,
Ни орлов, распростерших крылья.

М.Светлов

1962

На обороте наверху:

«Мишенька, родной мой, – нет, нет и нет! Ты знаешь, как я люблю тебя, как многое нас связывает, но только не это. Я все для тебя сделаю, все, что ты хочешь, но ты же сам знаешь, мы возненавидим друг друга на третий день».

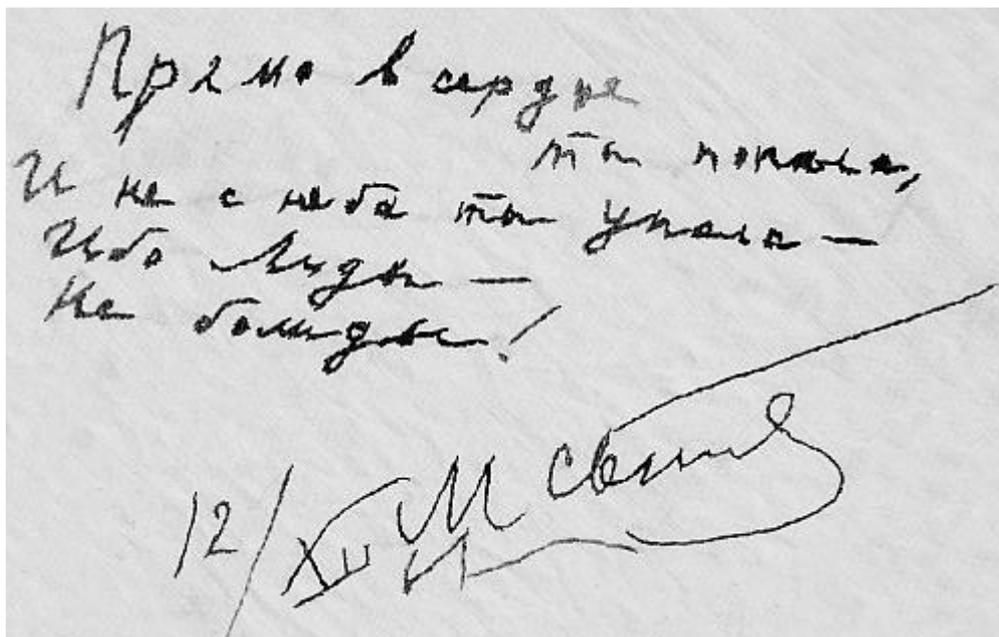
М.Светлов. Шарж И.Игина

На обороте внизу:

«Дурочка! Подумай хорошенько. Помни: главное в жизни – это отношение друг к другу. Часто ли это бывает? Нам уже не 18 лет!»

Из дневника Либединской от 21 декабря 1962 года:

«...С Мишей по-прежнему. Он три месяца не пьет и не курит, чистенький, родной. Но с 1-го опять запьет. Ушел от семьи. Живет один. Трудно ему, не знаю, на сколько хватит. Думаю, что вернется. Но мы с ним будем всегда дружить. Выдумщик – мы с ним 27 марта отмечали двадцать лет нашего знакомства, и, что было очень трогательно, целый день у него, потом в “Пекине”, потом в ВТО, утром в Ермоловском театре “Гость из ночи”».

Надпись на скатерти: «Прямо в сердце ты попала, И не с неба ты упала – Ибо Лиды – Не болиды! 12/XII 61. М.Светлов»

Страничка из архива:

Лидя!

Не поздравляю тебя с Новым годом, потому что я ревную. Неужели ты будешь сожительствовать с ним целый год, но я тебе все прощу и приду к тебе в 1963 году. Тогда мы с тобой будем счастливы.

М.Светлов

Лидочка!

Это пишу тебе я – главный самец Советского Союза. От меня произошли все – начиная с Софронова и кончая домоуправлением. Как ты там?

Мне почему-то вспомнились письма Маяковского Лиле Брик. И через эти письма я понял психологию женщины. Женщины не выносят гения. Для женщины обыкновенный талант – это уже слишком много. Для женщины нужен человек, мечущийся между своими командировочными и отдельным заработком. Меня женщины никогда по-настоящему не любили. Они только будут писать обо мне мемуары. И я уйду от них в смертельную командировку, где командировочные платят только гениям. Мне ничего не достанется. Я только одолжу десятку у официантки, накрывающей столик у дверей рая, и никогда она этой десятке не получит. Вселенная будет говорить обо мне: он везде задолжал.

Да здравствует Вселенная и отдельные ее граждане!

Обнимаю тебя, Лидочка!

Миша

Бабушка Татьяна Владимировна

Бабушка и ее мама

Все годы Татьяна Владимировна беззаветно служила и помогала дочери. С ними жила ее мать Нина Алексеевна, которая растила Лиду, а затем и ее маленькую дочь Машу.

Лидия Борисовна пишет в «Зеленой лампе»: «Держать домашнюю работницу нам было не по средствам, и бабушка взяла на себя ведение хозяйства. Высокая, статная, в белоснежной блузе с черным галстучком и старомодной, до полу, черной шерстяной юбке, она вечно была погружена в воспоминания о прочитанном, сетовала, что не удалось восстание декабристов, слегка грассируя, рассказывала мне содержание “Былого и дум” или “Войны и мира” и едва успевала приготовить обед. К приходу родителей мы с ней общими усилиями мыли посуду и подметали пол. А когда мама сетовала, что в комнате беспорядок, бабушка, величаво вскинув голову, мешая русские слова с французскими, невозмутимо отвечала:

– Я не понимаю тебя, Таня, или ты забыла, какая в нашем доме была чистота – мужчины цилиндры на пол ставили!»

Когда-то она жила на Кавказе, а ее муж служил начальником Земельного управления, сначала в Баку, затем в Тифлисе. Во время свадебного путешествия муж привез ее в Москву, чтобы показать ей Кремль, Московский университет, Третьяковскую галерею. Тогда молодые мечтали, если у них родится дочь, назвать Татьяной, в честь покровительницы Университета. Их желание исполнилось, у них появилась девочка, которая стала матерью Лидии Борисовны.

Нина Алексеевна умерла во время войны, что было огромным ударом для Татьяны Владимировны; она заболела язвой желудка и даже получила инвалидность. И хотя Татьяна Владимировна прожила еще более двадцати лет, ее смерть во многом была связана с уходом матери Нины Алексеевны.

Главный человек нашей жизни Рассказывает Тата Либединская

Дети в нашей семье росли и воспитывались бабушкой Татьяной Владимировной вместе с меняющимися домработницами (няньками), которыми та руководила.

Была одна женщина – Нина, дальняя родственница бабушки и мамы, кажется, со стороны Ефимовых. Она была некрасивая. Она сидела в лагере, так как не донесла на своего родственника. Подробности ее очевидно неудавшейся жизни теперь уже не у кого узнать. Бабушка ее недолюбливала, но смирялась, так как Нина была преданным человеком. Сколько я себя помню, она жила у нас. Нина была очень грубая, кричала на нас, но при этом делала всю черную работу. Маму она обожала... У мамы все-таки была одна крепостная.

С Ниной в наш лексикон вошли неизвестные до этого выражения: «конь не валялся», «на охоту ехать – собак кормить», «иерихонская труба», «торричелиева пустота»; она читала нам еще дореволюционные стишки про Павлика и Неточку.

Умерла Нина летом 1956 года от рака желудка. Мы все в это время были на даче, так что все заботы по уходу и похоронам опять легли на бабушку. Этот летний день, когда мы узнали о ее смерти, до сих пор ясно помнится. Особенно скучала четырехлетняя сестренка Ниночка, с которой они много жили зимой вдвоем на даче и были очень привязаны друг к другу.

Бабушка ее ревновала к маме. Когда родилась младшая дочка, ее решили назвать Нина. Бабушка заволновалась, чтобы Нина не подумала, что это в честь нее. Твердо сказала: «Будем звать ее Ниночка!» Так до сих пор ее и зовем.

И мама, и бабушка были рукодельницами. Они обе вязали крючком шапочки и носочки, красиво вышивали скатерти и салфетки и украшали их мережкой. В послевоенной Москве трудно было что-то купить, и мама, пока мы были маленькие, шила одежды не только нам, но и нашим куклам. Когда родители были в Москве, они брали нас на прогулки в зоопарк, Парк культуры, кататься на речных трамваях, на первомайские демонстрации.

Но главным человеком в нашей детской жизни была, конечно, бабушка. Всех нас по очереди, принося из роддома, сразу в буквальном смысле «складывали» ей на руки.

Бабушка маму боготворила. А папа бабушку все время благодарил, в каждом письме есть слова «наш ангел – Татьяна Владимировна». Но они оба маму побаивались.

Семья Либединских. Слева направо: Татьяна Ефимова, жена Алексея Ефимова (крайний справа), Нина, Лола, Тата, Татьяна Владимировна, Саша, Лидия Борисовна, Юрий Николаевич. Абрамцево, 1956

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.